

Анна Дант

Арника. Путь к счастью

«Литнет»

Анна Дант

Арника. Путь к счастью / Анна Дант — «Литнет»,

Судьба подарила мне шанс: спасла от жестокого мужа, закинув нас с дочерью в чужой мир. Но оказалось, что и там не так-то просто выжить. Если ты не замужем и не вдова, ты - падшая. А значит, готовься к нападкам чужих мужей и к ненависти всех окружающих женщин. Глухая деревня, старушка - травница, ветхий домик, десяток кур и коза – всё, что у нас теперь есть. Я выстою и стану счастливой! Не смотря ни на что!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Арника. Путь к счастью

Автор: Анна Дант

Глава 1

– Арина Владимировна, простите, но мы ничем помочь не можем, – отведя взгляд, говорит София Павловна. – Ваш муж, он...

– Я понимаю, – перебиваю женщину, смахивая слёзы. – Прошу только об одном. Дайте нам десять минут и мы исчезнем, не говорите Ярославу пока. Скажете потом, что сбежали.

– Конечно, – кивнула директор кризисного центра, в котором мы с Яной затаились. – Мне очень жаль. Вам бы уехать из города, желательно на другой конец страны.

– Спасибо за совет, но мужу не составит труда отыскать нас и на краю света.

Я кивнула женщине и направилась в маленькую комнату, последнюю неделю служившую нам с дочерью домом. Ну что же, и с этим убежищем придётся расстаться. За год это уже пятый кризисный центр, где я пытаюсь найти защиту. Тщетно. Ярослав, благодаря связям и деньгам, снова и снова находит нас, заставляет бежать с насиженного места. Словно зверя загоняет, вынуждая петлять по лесу. Да, муж любит охоту, и опыт имеет не малый. В этот раз охота не на животное. Думать, что будет, если Ярослав нас найдёт, не хотелось.

– Яночка, нам надо собираться, – пробормотала я, зайдя в комнату. И тут же сердце сжалось от боли – в голубых глазах дочери промелькнул страх.

– Папа приехал? – напряженно спросила малышка, смотря на меня внимательно. Не должно быть такого взгляда у четырёхлетней малышки. Не должна она знать, что такое боль, страх, побег.

– Нет, маленькая, но нам всё равно необходимо уехать, – успокоила я Яну, принимаясь складывать в сумку вещи, которых толком и не было.

Через пять минут мы уже стояли на улице. Куда бежать? В Новгороде у нас не было ни друзей, ни знакомых, как и в остальных. Но страх гнал... Гнал вперёд, не давая остановиться хоть на секунду и отдышаться. Нельзя... Ужас, тот, что уже год заставляет Яну просыпаться от кошмаров, велит бежать. И я бегу... С дочерью на руках, с потасканной сумкой за плечами, на попутках, перекусывая дешевыми булочками для хотдога. И стараюсь не умереть от чувства вины... Если бы я знала...

Размышления прервал визг тормозов. Я дёрнулась, уже решив, что Ярослав приехал раньше. Но за рулём красного пикапа сидела стройная, миловидная блондинка.

– Подбросить? – весело спросила девушка, подмигивая Яне.

– Да, если можно, – устало согласилась я и усадила дочку на сиденье, пристёгивая ремнём безопасности.

Спустя минуту мы уже отъезжали от кризисного центра, а я украдкой наблюдала за блондинкой.

– Я – Валенсия, – представилась девушка, лихо выкручивая руль и входя в поворот. – А ты Арина, верно?

– Верно, – шепнула я, бледнея и чувствую, как леденеют руки.

– Не бойся, – усмехнулась девушка, съезжая с главной дороги в какие-то дворы. – Я знаю про тебя и эту малышку всё, но вреда вам не желаю.

– Кто вы? – тихо спросила, понимая, что на этот раз Ярик победил.

– Своё имя я тебе сказала, остальное узнаешь потом. – отмахнулась блондинка и тут же задала встречный вопрос – Ты от мужа навсегда сбежать хочешь?

– Да я даже на другую планету, или в другой мир готова сбежать, лишь бы Павлинин нас не нашел? – горько усмехнулась, отворачиваясь к окну и пытаясь не заплакать.

– В другой мир говоришь? – хмыкнула Валенсия. – А ты уверена в этом? Ведь и там может быть не сладко. Уверена, что не хочешь вернуться к мужу?

– Если вернёмся – не выживем, – покачав головой, ответила я. – Ярослав ясно дал понять, что нас ждёт дома.

– Я не хочу к папе, – хныкнула Яна, вжимаясь в спинку сиденья.

– Что же, раз вы настроены так серьёзно, то переход даже не почувствуете, – пробормотала девушка.

– Какой переход? О чём вы? – я нахмурилась и отстегнула ремень безопасности. – Валенсия, а высадите нас вот здесь. Тут как раз недалеко от вокзала.

– Смешная ты, – хихикнула девушка, в чьей адекватности я стала сильно сомневаться. – Сначала спастись хочешь, затем от помощи отказываешься. Боишься? Не стоит, я не причиняю вреда. Вредите вы себе сами. Неправильным выбором, сомнительным решением. Вот ты замуж вышла по большой любви ведь. Родителям кричала, что жить не можешь без любимого. А ведь стоило прислушаться к старшим. Теперь бежишь, трясясь словно заяц, что прошлое настигнет. Но ничего, вам ещё можно помочь. И то только потому, что ни ты, ни дочь не испытывают к этому миру сильной привязанности.

– Это какой-то бред, – прошептала я. Если бы была одна, выпрыгнула бы на ходу, но дочь я такому риску подвергнуть не могу.

– Ой, не сосчитать, сколько раз я это слышала, – хихикнула девушка. – А потом “Спасибо, Валенсия, спасла меня!”. Сидите спокойно, тут немного осталось.

Я глянула на дочь. Янка росла улыбчивой и беззаботной, как и положено детям. Любила играть в игрушки, с радостью бежала к папе, когда тот возвращался. А потом сказка кончилась... Теперь Яна со страхом смотрела на Валенсию, крепко сжимая мою руку. Она больше не верила в добрых людей. И не известно, поверит ли.

– Ну вот мы и на месте, – тихо сказала девушка.

Я перевела взгляд на дорогу и с удивлением обнаружила, что мы уже не в городе, а в настоящем лесу.

– Зачем мы здесь? – я старалась говорить спокойно, с трудом сдерживая дрожь. Не стоит пугать Яну.

– Ну как же, – хихикнула безумная. – Ты хотела спрятаться? Спасти себя и дочь? Вот и спасай.

Я растерянно посмотрела на лес. Уже вечер, совсем скоро стемнеет окончательно. Как пережить ночь в лесу? Да ещё и с ребёнком.

– Валенсия, пожалуйста, отведи нас обратно в город, – хрипло попросила я.

– Нет-нет, межмировые порталы не так-то легко преодолевать, – блондинка замотала головой, а затем повернулась ко мне. Мне наверное показалось... Её глаза горели неестественным, жёлтым светом. – А сейчас вам просто нужно уснуть, вот и всё.

Валенсия протянула руку и дотронулась до моего лба. Я хотела возмутиться, но не успела. Глаза сами собой закрылись, а я провалилась в сон.

В себя пришла рывком, тут же распахнула глаза и огляделась. Я уже была не в машине, а на заднем дворе деревянного, маленького домишки. Рядом лежала Янка.

– Яна, доченька! – воскликнула я, дотрагиваясь до лица малышки.

Тихое и ровное дыхание порадовало. Яна просто спит. Аккуратно поднявшись, я размяла затёкшее тело и взяла дочь на руки. Не знаю, что произошло, но единственное, что я сейчас могла сделать, это постучать в дверь дома. Может там мне объяснят, что произошло?

Не успела я и шагу ступить, как раздался громкий лай. Я остановилась в нерешительности. Дверь видна, до неё совсем немного, но что, если собака не на цепи? Да и если судить по грубому лаю, там никак не болонка.

– Ну что разлаялся? Спать только мешаешь! – раздался голос из дома. а следом открылась дверь. – А вы ещё кто такие?

Я смотрела на старушку, крепко сжимающую свечу. Белый платок на голове, серое, потёртое платье. Но больше всего меня поразила именно свеча. Только тут я заметила, что на улице уже достаточно темно, а фонари не горят. Нет света? Отключили из-за неполадок?

– Здравствуйте, – я несмело шагнула вперёд. – Мы с дочерью попали в беду. Не могли бы вы нам помочь?

– С дочерью, говоришь? – хмыкнула старушка. – Ну проходи, хоть чаем угощу. Но смотри, без глупостей, я хоть и старая, а вот сил во мне достаточно.

– Ну что вы, мы без злых намерений, – постаралась успокоить бабушку. – Нам бы понять, где мы оказались.

Я уже подошла к двери, как старуха резко развернулась ко мне лицом и внимательно осмотрела нас с дочерью.

– Где оказались, говоришь? – пробормотала женщина. – Никак, Валенсия платы потребовала. Что же, верю, что без зла.

Я прошла в дом и растерянно остановилась. Не важно, как домик выглядит снаружи. Всё же, не у всех есть возможность сделать качественный ремонт. Но внутри... Сложилось ощущение, что я попала в далёкое прошлое. Низкие потолки, мутные, маленькие окна, свечи горят. Я уже молчу, что сбоку стоит большая печка.

Мебель тоже была забавная. Вся деревянная, простенькая, без резных узоров.

– Иди за мной, – проскрипела старушка. – Положишь дочку, а сама придёшь. Разговор есть.

Меня завели в тёмную, маленькую комнатку. Настолько крохотную, что помимо кровати и сундука здесь больше ничего не поместилось. Только и хватит места, чтобы переодеться да поспать.

– Здесь будете жить, – буркнула женщина. – Кровать маленькая, но и вы не толстые, поместитесь. Всяк не на улице.

– Спасибо, – тихо поблагодарила я женщину.

– Не мне спасибо говори, а Валенсии. Просто так она людям не помогает, значит, в беде сильной были и о помощи молили.

– Молили, – подтвердила я, гадая, кто же эта самая Валенсия.

Уложив дочь и накрыв тонким покрывалом, я вышла из комнаты, притворяя за собой дверь.

– Садись, разговор долгим будет, – негромко произнесла женщина.

Сама она открыла печь и достала оттуда чугунную кастрюлю.

– Где мы? – спросила я, как только села.

– Вы в маленькой деревушке, Маковке.

– Никогда о такой не слышала, – удивлённо покачала я головой.

– И не могла. Из другого мира вы, вот так вот. Понимаю, не веришь, сама не верила сначала. Но Валенсия спасает качественно, здесь вас прошлое не настигнет.

– Это мало похоже на правду, – я нахмурилась. Просто не верилось. Да и как в такое поверить?

– Похоже или нет – дело десятой. Просто прими как данность, твой мир остался далеко позади. Слушай и запоминай. Названия, как такового, у мира нет. Как и в других мирах, мы называем свой просто Земля. А вот королевство называется Рент. Мы в глуши живём, новости до нас доходят с опозданием, но вроде как сейчас правит Гвар второй. Мужик он справедли-

вый, налоги не сильно завышает. Да только где столицы, а где мы. Тут своих хватает, мнящих себя королями. Но это тебе не так важно. Так вот, деревушка тут всего на тридцать домов, маленькая, все друг друга знают, новых жителей мало. Я здесь уже, почитай, лет тридцать живу. Лечу людей.

– Вы врач? – удивилась я.

– Травница, – хмыкнула старушка. – Лекарей в округе не сыщешь. Если только в Гаране, город в трёх днях пути отсюда. Да и услуги стоят немало. Простому деревенскому жителю столько и за год не заработать.

Старушка замолчала. Подвинула мне чашку с каким-то отваром и присела напротив. Её внимательный взгляд остановился на моей правой руке. Поджав губы, женщина тяжело вздохнула.

– Что-то не так? – спросила я, делая глоток.

– Браслета брачного на тебе нет, – недовольно буркнула женщина. – Плохо это.

– У нас и не приняты браслеты, а кольцо обручальное я сдала в ломбард, когда деньги начали заканчиваться.

Я тяжело вздохнула, вспоминая тот день. Единственное хорошее в Ярославле – он не был жадным. Обручальное кольцо было крупным, с большим, драгоценным камнем. В ломбарде за него дали тогда неплохую сумму.

– Плохо, – повторила женщина. – Деревенские на это в первую очередь внимание обращают. Ты – девка молодая, красивая. А уже с ребёнком, значит нагулянный.

– Не понимаю, какая им разница, – растерялась я.

– А такая, – хекнула бабушка. – Говорю же, молодая, красивая, моралью не обременена, раз не замужем и не вдова. А бабы местные за мужиков своих боятся. Мало ли уведёшь, где они ещё найдут, в деревне мужиков чуть ли не с колыбели разбирают. Да и сами мужики.

– Что? – вырвалось у меня, потому как я подозревала, каков будет ответ.

– А всё тоже. Будут пытаться под юбку залезть, кобели.

– И что же делать? – стало страшно. И за себя, и за Янку. Я то выстою, но вот Яночка...

Это же какие слухи поползут?

– Думаю я, – буркнула женщина. – Браслет никак не достать, в храме их выдают.

– А если сказать, что потеряла? – с надеждой спросила я.

– Не теряют их, – поджав губы, вздохнула старушка. – Магией скрепляется, когда обряд проходят. А если муж умер, то чернеет браслет. Но ни потерять, ни сломать его нельзя. Вот так вот.

Она подняла руку и тряхнула запястьем, из-за рукава показался чёрный браслет.

– Легенду мы тебе придумаем, но сложно будет. Ой как сложно. Не думаю, что твоя прошлая жизнь была так же плоха.

Я хотела ответить, что всё это мелочь, но не успела. Из комнаты донёсся плач. Поднявшись, поспешила успокаивать дочь. Не впервые. Последний год она спит урывками, очень часто просыпается с криками. Да чтобы Ярослава машина переехала, сволочь! Так ребёнку психику испортить!

– Тише, маленькая, тише. Всё хорошо, – я погладила малышку по белым волосикам.

– Мне папа снился. Он нас нашёл? – всхлипывая, спросила Яна.

– Нет, милая, он нас больше никогда не найдёт, – успокоила дочь. – Папа очень далеко и просто не сможет за нами приехать?

– Правда? – с надеждой спросила Яна.

Сердце в который раз сжалось от боли. Сволочь, какая же он сволочь. Ладно я, я взрослый человек, который может перебороть страхи. Но дочь за что?

Дверь скрипнула, приоткрываясь и пропуская травницу.

– Держи, – женщина протянула мне кружку. – Успокаивающий отвар. Поможет заснуть.

Я поблагодарила кивком и погладила всхлипывающую дочь:

– Яночка, надо лекарство выпить.

– Я заболела? – удивлённо спросила малышка.

– Нет, что ты. Это как витаминки.

Дочь безропотно выпила отвар и легла на подушку, набитую сеном.

– Постарайся заснуть, хорошо? И ничего не бойся.

– Ты уйдёшь? – тревожно спросила Яна, хватаясь за мою руку.

Но видно было, что отвар начал действовать. Дочь зевнула.

– Я буду за дверью. Но посижу рядом, пока ты не заснёшь.

Я гладила Яну по голове, прислушиваясь к спокойному сопению. Когда убедилась, что она уснула крепко, вышла из комнаты.

– Рассказывай, что у вас там случилось? – хмыкнула женщина. – Никогда не видела, чтобы дети так сильно боялись.

– Как мне к вам обращаться? – я вспомнила, что так и не узнала имени травницы.

– Бабушка Веся меня зовут. Вообще, Валя. Валентина, но для деревни это имя сложное.

А тебя-то как?

– Арина, а дочку Яна, – отозвалась я.

– Яна ещё ничего, а вот твоё имя необычное слишком, – нахмурилась бабушка Веся.

Она молчала несколько минут, а затем заговорила вновь. – Я знаю, кем ты будешь. В деревне все знают, что дочь у меня есть. Я раз в год к ней езжу. Арника зовут. Вот будешь той самой дочерью. Тогда вопросы не возникнут, откуда ты у меня взялась. Будешь Арникой, научу тебя в травах разбираться, помогать станешь. Дочь и внучку единственной травницы в округе не тронут, я и отплатить могу. Да так, что мало не покажется. Но издевки всё равно будут. И мелкие пакости тоже.

– Спасибо, – шепнула я, потому что говорить нормально не было сил, в горле стоял ком.

– Да не за что, – отмахнулась бабушка. – Только не забывай меня мамой звать. Я завтра утром тебе расскажу легенду, которой ты должна будешь придерживаться. Радуйся, что дочка у тебя махонькая, да ещё и говорит не очень понятно. Тайну не раскроет. Рассказывай, что у тебя произошло? От кого бежишь?

Я тяжело вздохнула. Сколько раз за год я рассказываю одну и ту же историю? Не счесть. В кризисных центрах, в больнице, а однажды даже полиции.

– Я вышла замуж едва восемнадцать исполнилось, – начала я, невидяще смотря на стол. – Ярослав был для меня всем. Галантен, добр, богат. Мои родители против были, ругались. Не нравился им мой жених. Но любовь слепа. Ярик носил меня на руках, дарил подарки и был чутким мужем. Когда я забеременела Яной, спустя два года после брака, Ярослав немного изменился. Стал больше хмуриться, ругался. Это сейчас понимаю, что он просто пользовался властью, а тогда... Ужин успел остыть до его прихода? Дома скандал, кричал, что я дура и неумеха. Я винила себя, ведь именно со мной муж так изменился, старалась больше. Но всё становилось только хуже. Когда Яночка родилась, Ярослав словно с цепи сорвался. Кричал по любому поводу. Выгнал меня спать в детскую, якобы я мешаю отдыхать. Но руку не поднимал. Впервые ударил, когда Яне был годик. Она заболела сильно, температура высокая, плакала. А я успокоить не могла. Ночью Ярослав ворвался в детскую и сильно ударил меня по лицу, кричал, что я никудышная мать, которая даже ребёнка успокоить не в состоянии.

Я не заметила, как по щекам потекли слёзы. Передо мной появилась кружка с тем же отваром, которым я чуть раньше напоила дочь. Благодарно кивнув и глотнув отвар, продолжила дальше.

– На следующий день муж вновь стал ласковым, уверял, что он просто потерял контроль. Просил прощения, клялся, что такого больше не повторится. Но он лгал. Я начала получать

тычки, пинки, подзатыльники всё чаще и чаще. За грязную тарелку в раковине, за неправильно сложенный полотенце. Тогда я приняла решение, что мне нужно уходить. Мама к тому времени уже умерла, папа жил один. Он с радостью принял нас обратно, но я вновь допустила ошибку. Ярослав приехал через неделю, умоляя вернуться. Клялся, что начал ходить к психологу. Что у него просто проблемы в бизнесе, поэтому он так злится. Рассказывал, что жить не может без меня и Яночки. Я уехала с мужем. Папа был против, конечно, но я не послушала. Какое-то время всё было прекрасно, муж был обходителен, добр, начал раньше приходить с работы, гулять с нами. Затем умер папа. Муж предложил продать старенький дом и вложить эти деньги в бизнес. Глупая я, послушала. Подписала необходимые документы, вовлекая нас с дочерью в ад. Спустя пару месяцев после переоформления всех документов, я узнала, что у мужа есть любовница. Прямо как в фильмах, ею оказалась секретарша. Я не сдержалась, устроила скандал, кричала на мужа, что он нас предал. Зря я так, надо было просто молча уходить. Ярослава словно с ума сошёл. Ударил меня кулаком в лицо, а затем продолжил пинать, когда я упала. Яночка испугалась, подбежала ко мне, попадая на глаза мужу. Он переключился с меня на дочь. Не знаю, откуда взялись силы, но я встала кое-как и обрушила на голову мужа кадку с цветком. Ярик потерял сознание, а я схватила малышку, кое-какие вещи, документы и бросилась из дома. Врачи удивлялись потом, что я встать смогла, с такими травмами. Наверное, это и есть состояние аффекта. Соседи, к которым я обратилась за помощью, вызвали скорую и полицию. Янка тогда сильно пострадала, потеряла сознание. Как оказалось, у неё было сотрясение и множество ушибов. Нас забрали в больницу, полиция взяла показания. Я тогда думала, что всё закончилось, что Ярослава если и не накажут, то хотя бы какая-то защита у нас будет. Я ошиблась. Ярослав пришёл в полицию и сказал, что я сошла с ума. Избила дочь, а потом бросилась на него. Он защищался, всего лишь. Ему поверили. Деньги и связи сделали своё дело и в полиции, и в больнице. Мне помогла бежать санитарка, узнав, что вызвали бригаду из психиатрической больницы. Ярослав собирался упереть меня в психушку, а затем сделать недееспособной, забрав опеку над Яночкой себе. Я почти год петляла по разным кризисным центрам, но он находил снова и снова. Это был последний центр, куда я обратилась. Ярослав нашёл и там.

– Потом ты встретила Валенсию, верно? Совершенно отчаявшись, – грустно усмехнулась женщина.

– Да, – подтвердила я и замолкла.

– Потрепала тебя судьба, ничего не скажешь. Но ничего, здесь тебя не достанет муж. Безоблачную жизнь не обещаю, сама понимаешь, но и не погибнешь от лап монстра. Тебе бы, конечно, в город. Там не так смотрят на браслет, но помочь с монетами я не смогу, нет их. А без дохода там не выжить. Лишь в тавернах подрабатывать. Но опять же, мыть пол и ублажать клиентов. Тем более, у тебя нет образования. Кое-чему я тебя научу: в травах разбираться, да грамоте. А в остальном не помощник, сама мало что знаю.

– Спасибо, главное, чтобы дочь в безопасности росла, – тепло поблагодарила я женщину.

– Только помни, однажды, у порога твоего дома появится человек, которому нужна будет помощь. В нём что-то будет не так, ты поймёшь. Значит это Валенсия потребовала плату за то добро, что сотворила, спасая тебя и Яну.

– Кто она, эта Валенсия? – спросила я наконец. – Волшебница?

– Здесь она известна, как богиня судьбы, – легко ответила женщина. – Правда, ей не поклоняются, да и дела её незаметны для окружающих. Запомни, никто и никогда не должен узнать, то ты не из этого мира. Иначе быть беде. Будут изучать, а может и пытаться, приняв за шпионку. Я подумаю ночь, а завтра расскажу тебе легенду, которую ты крепко должна запомнить. Одежду свою сними и убери подальше, а лучше сожжем в печке. Всё, что может указывать на другой мир, уничтожь. Иначе быть беде, попадёте и вы, и я.

– Хорошо, я всё сделаю, – тихо отозвалась я, испуганно глядя на женщину. Затем заинтересованно спросила. – А как попали сюда вы?

– Когда попала я, была война. Заметила же, что стара я уже. Вот молодой девочкой меня и схватили фашисты. К счастью, сделать ничего не успели, Валенсия услышала призыв о помощи. Очутилась в этом мире, живая и здоровая. А так как медсестрой на фронте была, то и стала травницей. Нас ещё знахарками называют. Помогли мне изучить травы, да отпустили в мир. Спустя много лет влюбилась в купца. Ох и хорош был Демид! И как мужчина, и как хозяин. И не кривись, – бабушка усмехнулась, глядя на меня. – Не все мужики такие, как твой Ярослав. Да и от нас многое зависит. Сама знаешь, ушла бы сразу, не было бы таких последствий. Так вот, Демид в жёны меня взял, хорошим мужем был. Жаль, погиб рано, и пятидесяти не исполнилось. А я и не стала искать больше никого, приехала сюда, да так и осталась.

– Сложно, наверное, одной, – грустно прокомментировала я рассказ.

– Да что сложного? Я же не просто бабушка одинокая, а травница. Плату прошу не монетами, а делом или продуктами, порой. Так и выживаю. Не как барыня, но и не бедствую. А дрова мне мальчишки соседские колят. Им краюху хлеба даю, да молока крынку. Они и рады.

– А не думали перебраться в город? – спросила я.

– Не думала. Что мне там делать? Город для молодых, да и трав там не наберёшь, до леса далеко. Местные покупаю всё. Хорошо мне тут, спокойно. Иди спать, у тебя был трудный день, – махнула рукой женщина. – И готовься, лёгкими они теперь не будут, жить в деревне сложно, работы много, а лентяев я не кормлю. Будешь хорошо стараться, сможешь изменить жизнь к лучшему. Иди, давай.

Я кивнула, пожелала спокойной ночи и поплелась в комнату. Уже там, стянув джинсы и футболку, я надела длинную ночнушку, достав ту из сумки, и легла рядом с мирно спящей дочерью. Я смотрела на Янку и не могла поверить, что всё кончилось. Сколько раз я желала мужу смерти! Сколько раз мечтала вырваться из его силков! И вот я чудесным образом оказалась в безопасности. Магия? Волшебство? Не важно. Главное, я и моя дочь в безопасности. А с остальным справлюсь. Не могу не справиться, в меня верит дочь.

Глава 2

Разбудили нас на рассвете. Бабушка Веся для Янки, а для меня мама. Я даже вздрогнула, когда произнесла это про себя. Мама... Не настоящая, но всё же. Одно это слово способно согреть душу.

Размышлять о важности слов было некогда, жизнь в деревне не для тех, кто игнорирует ранний подъём.

– Мам, а где мы? – тихо спросила Яна, настороженно осматриваясь.

– Зайка, мы у твоей бабушки, моей мамы, – я решила не рассказывать правду малышке, но кое-какие моменты придётся объяснить. – Правда, это очень и очень далеко, прямо в другом мире. Но никто не должен об этом знать, понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Янка. – Они просто не верят в волшебство!

– Правильно, милая. Будь осторожна, хорошо? – я погладила дочь по голове. – Наши вещи придётся выкинуть, а надеть новые. Но это попозже, а пока надо умыться.

Я вывела дочь из комнаты и тут же наткнулась на травницу. Женщина видимо была давно на ногах, потому что в печи уже стоял чугунок для воды.

– А, проснулись. Ну идите умываться. Вон там, в углу, – бабушка Веся махнула рукой в сторону, – ведро стоит. А рядом кадка с водой свежей. Над ведром умывайтесь. Зубы, вон, прополощите.

– Здравствуйте, бабушка Веся, – вежливо поздоровалась Яна, пряча ручки за спиной, но улыбаясь довольно искренне.

– Здравствуй, Яночка, – ласково отозвалась травница, а затем кинула на меня быстрый взгляд. – Поговорила уже?

– Кое-что рассказала, да, – кивнула я. – А что это?

Я указала на баночку с коричневой жидкостью, стоящую у кадки с водой.

– Это настой из дубовой коры, – ответила... мама, – Запоминай, записывать не на чем. Кору с дуба срываешь, мелко в ступке толкёшь. Потом ложку измельчённой коры в банку засыпаешь и заливаешь кипятком по горлышко. На ночь оставляешь, а утром рот можно полоскать. И запах неприятный уберёт, и бактерии. Каждый вечер делать надо, чтобы на утро свеженький был. А палочками, что рядом лежат, зубы тереть надо, чтобы грязь убрать.

– Ложка коры на примерно пол литра воды, поняла, – повторила я за женщиной.

– Это хорошо, – буркнула травница. – Зубы беречь надо, как и вообще здоровье. Здесь волшебников не водится, а до лекарей хороших далеко. Только и остаётся что травами лечиться.

Я кивнула, но думала совершенно не о травах. Как вырастить дочку в таких условиях? Без привычных жаропонижающих и антибиотиков будет сложно. Главное, не подцепить что-то действительно страшное.

Умываться холодной водой было непривычно, но очень освежает, бодрит лучше кофе. Янка взвизгнула и рассмеялась, когда холодные капли попали ей на шею.

– Переодеть вас надо, – буркнула мама. – Тебе дам своё платье, а вот Яне я посмотрю что-нибудь дочкино. Лежит в сундуке несколько рубаш. Только сначала позавтракаем, а потом уже и за дело примемся. Садитесь, давайте.

Усадив Янку на высокую скамью, я присела рядом. Всё настолько необычно и непривычно, что я решила пока не вмешиваться, а просто следить, что и как делает мама.

А происходило самое, что ни на есть, волшебство. А как ещё можно назвать готовку в печи? Травница смазала чугунную сковородку салом и поставила в печь. Пока сковорода нагревалась, женщина вышла из дома, а вернулась уже с корзиной, в которой лежало семь яиц.

– У тебя есть хозяйство? – спросила я, думая, что женщина занимается лишь травами, а остальное ей приносят благодарные жители деревни.

– А куда же без него? – усмехнулась мама. – Хотя, сложно назвать это прям хозяйством! Десяток куриц, коза да огород. Хорошо, что вы приехали, теперь можно и свинью завести на сезон.

– Сезон? – удивилась я. – Я думала, что сейчас примерно середина лета.

– Середина летняя, поправила травница. – Так и есть, но у нас свинки особенные. Как с домом управимся, покажу.

– А я люблю свинок! – воскликнула Яна. – Они вкусные!

– Вкусные, – усмехнулась я, потрепав дочь по волосам. – А ещё из них можно многое заготовить.

– Да что тут заготовливать? – отмахнулась травница. – Засолить да в погреб. Или завялить. Сырое храниться не будет.

– А если коптить? – поинтересовалась я. – Вроде копчёное мясо, да ещё и в холоде, дольше лежит. Ну и вкуснее.

– А коптильню я тебе где возьму? – расхохоталась женщина. – Есть у нас одна, коптят там мужики рыбу да мясо, только дорого очень.

– Ну да, чтобы много мяса закоптить, нужно время, – расстроилась я. – И как же тогда? Только вяленое или солёное есть?

– В зимень если свинью резать, то можно в сарае спрятать, – пожалала плечами травница. – Оно замёрзнет, конечно, только если зверьё не утащит. Ну и съесть его надо до наступления тепла, а то пропадёт ведь.

Мама положила на стол толстую, деревянную доску, а сверху поставила сковороду, на которой шкворчала яичница. Следом за сковородкой травница поставила кружки и налила в них козьего молока.

– Яночка, только немного, хорошо? – с тревогой попросила я дочь. Она даже натуральное коровье молоко не пила, а тут сразу жирное козье. Не понятно, как поведёт себя желудок.

– Ничего, – махнула рукой мама. – Скоро привыкнете. Вечером будем с тобой хлеб печь. Его много надо.

– Зачем много? – не поняла я. – Он же засохнет?

– А ты как думала? – расхохоталась женщина. – Пока опара поднимется, пока тесто подойдёт. Не быстрое это дело, поэтому и пекут сразу на несколько дней. А если не получится с первого раза, то всю неделю без хлеба сидеть. А как без него? Ешьте, давайте. И так засиделись.

Я кивнула и взялась за ложку. Яна уже уминала нехитрый завтрак, да так, как дома никогда не ела. Так сильно проголодалась?

Но как только я принялась за завтрак, поняла, почему дочь с таким рвением жуёт. Нет на свете ничего вкуснее натуральных продуктов.

*Настой из коры дуба не придуман мной лично, а взят с просторов интернета. Им действительно пользуются, чтобы убрать неприятный запах.

Травница быстро позавтракала и скрылась у себя в комнате. Вышла спустя минут пятнадцать, неся куль с одеждой.

– Поели? – женщина обвела нас строгим взглядом. – А теперь за дело. Яночке вот, платье есть. Да исподнее тоже нашла, правда, только одно. Знаю, что не привыкли голышом бегать. Тебе вот, платье моё. Поясом затянешь, сядет как надо. Только смотри, всё снимать надо, чтобы ни единой детали не осталось с того мира.

Я кивнула, взяла одежду и направилась в комнату, ведя Янку за собой.

– Мам, они что, без трусиков ходят? – удивилась дочь.

– Дети лет до семи да, бегают без. Особенно летом, – подтвердила травница. – Но это не обязательно, в городах надевают. Просто ткань не так просто купить, чтобы нарядов нашить много.

– А если что-то из моего перешить? – заикнулась я.

– Нельзя, – мотнула головой травница. – Краска на одежде другая, стежки не руками сделаны. Думаешь, не заметит никто? Никак нельзя.

– Хорошо, я поняла, – я нахмурилась, но спорить не стала. Если она говорит, что так надо, значит и правда надо.

Одежда была простенькой. Широкие платья с кривыми швами и грубоватыми вырезами. В принципе, какая разница, что носить? Тем более в деревне со средневековым укладом, где роскошное платье вообще не встретишь. Яна поморщилась, конечно, она любила красивую одежду, но спорить не стала. Хватает и того, что бежать больше никуда не надо. Ну, я надеюсь.

– А теперь вещи сюда свои несите, – мама оглянулась на нас, а затем продолжила подкидывать поленья в печь.

Принеся сумку и маленький рюкзачок Яны, я начала доставать всё, что там лежало.

– Вот это гореть плохо, конечно, будет, – нахмурилась травница, вертя в руках старенький кнопочный телефон. – Ладно, это мы закопаем.

Нехитрый скраб, который я успела захватить из прошлого дома, летел в печь. Только сейчас, глядя на то, как огонь пожирает очередную память, я осознала, что свободна.

– Мама, а Кузя?

Я обернулась на расстроенный шёпот дочери. Яна прижимала к груди мягкого зайца, единственную игрушку, с которой дочь не расставалась целый год.

– Маленькая, твой зайчик слишком не похож на игрушки, с которыми играют здесь, – я присела перед дочерью и заглянула в глаза. – Мы не можем его оставить.

Яна всхлипнула и крепко прижала зайца. Прикрыла глаза, постояла так пару минут, а потом, отвернувшись, швырнула игрушку в огонь. Не дожидаясь, пока та сгорит, Яна бросилась в комнату.

– Ничего, – вздохнула травница. – Переживёт. Маленькая ещё, не понимает, что значит серьёзная опасность.

Я не ответила. Просто стояла и смотрела на фотографии, которые держала в руках. Ярослав и я, наша свадьба. Такие счастливые. На второй фотографии с нами уже была дочь. Янке годик. Я держу малышку на руках, а Ярослав обнимает нас.

– Не жалею ни о чём. Не могла ты его исправить, – тихо сказала женщина, положила мне руку на плечо, поддерживая.

– Я не жалею. Даже фотографии эти взяла, чтобы помнить, чем может обернуться счастье и любовь.

– А вот это ты зря, – травница нахмурилась. – Нельзя ставить на себе крест и бегать всю жизнь от мужиков. Не все такие, как твой муж.

– Ты была счастлива замужем? – спросила я, кидая фотографии в огонь.

– Была, – усмехнулась женщина. – И обряд был по любви, и жили мы в уважении. Потом, конечно, любовь растерялась со временем, но вот уважение осталось. И тебе того же желаю. Не иди в храм ради защиты или просто чтобы было. Иди с тем, кого любишь. Но и мозги не теряй, себя уважай.

– Не хочу я больше замуж, – отмахнулась я. – Дочь есть и ладно.

– А вот хоронить себя не надо. Ты – девка молодая. Да и пожалей Валенсию, она желает тебе счастья, а не чтобы ты всю жизнь прожила здесь, со старой бабкой, в окружении вечно болеющих людей.

Я промолчала. Спорить и настаивать не хотелось, всё же не дура, понимаю, что она желает лучшего. Только мнения я своего не поменяю.

Когда догорели остатки, мама закрыла печь и села за стол.

– Ну что же, добро пожаловать к нам, – усмехнулась она. – Садись и слушай. Ты – Арника, двадцать пять лет. Жила в Лафе, южный городок Рента. Влюбилась, собиралась замуж, но жених погиб. А ты потом поняла, что беременна. Ходить слухи всё равно будут, но всё же так проще, чем сказать, что ты не знаешь, от кого дочь. К матери приехала помогать по хозяйству, потому что я попросила. Стара стала, подмога нужна. Что ещё надо?

Травница задумалась, а затем встала из-за стола и направилась к себе. Спустя минуту вышла, неся книгу.

– Ну-ка, прочти, что здесь написано.

Я заглянула в книгу и обомлела. Ни одной знакомой буквы...

– Не можешь, верно? – хмыкнула мама. – Что же, будешь учиться. Язык ты понимаешь, что уже хорошо, буквы и цифры выучишь. Читать умеешь. Кстати, учиться будешь с дочерью. Писать придётся на коре, нет монет, чтобы бумагу покупать. Но это вечером. Сейчас надо кур накормить, да за травами сходить. Зима скоро, запасы делать надо. Так что, я пока покормлю, а ты иди, Яне скажи, что гулять пойдём. Выйдем через заднюю калитку, там как раз лес начинается. Не надо тебе пока в деревню, потом сходим.

Травница ушла, а я встала из-за стола и замерла. Как мы пойдём, если обуви нет никакой? Кроссовки свои надевать нельзя, тогда как? Решив отложить этот вопрос до возвращения мамы, я пошла к дочери.

Я присела перед дочерью и ласково потрепала по голове. Яночка сидела на кровати, поджав ноги под себя и хлюпала носом.

– Милая, всё скоро наладится, обещаю, – шепнула я.

Только вот детям же всё равно. Малышам сложно понять причинно-следственные связи, а собственное Я намного важнее каких-то правил. И это неплохо, нет. Так задумала сама природа.

– Идём. Бабушка покажет нам лес и будет учить собирать травы.

– Какие травы? – Яна с интересом посмотрела на меня, утирая слёзы рукавом.

– Которые лечат людей.

– А как же таблеточки и сироп? – нахмурилась дочь.

– Здесь нет такого, милая, – я вздохнула и присела рядом. – Здесь много нет, что нам так привычно было.

– Мы в другом мире? – тихо спросил ребёнок. – Я такое видела в мультике.

– Ты угадала. Но те, кто живёт здесь, не знают о таких, как мы, – серьёзно сказала я. – А когда человек чего-то не знает, то он этого начинает пугаться.

– Нам опять надо прятаться? – грустно спросила Яна. – И у меня не будет друзей?

– Нет, прятаться нам больше не надо, но и говорить кто мы и откуда никому нельзя, хорошо? Помнишь, мы уже с тобой так делали?

– Помню, – Яна кивнула. – Чтобы нас папа не нашёл.

– Вот и прекрасно. Тогда идём, бабушка Веся нам всё расскажет.

– В туфельках? Они теперь останутся у меня? – спросила дочь, а я перевела взгляд на пол, где стояла наша обувь, и нахмурилась.

– Маленькая, там уже печка затухать начала, так что, давай мы пока спрячем, а потом тоже в печку, хорошо?

Я убрала улику под кровать, так, чтобы видно не было, и взяла Яну за руку.

Травница уже вернулась и терпеливо ожидала нас, сидя за столом.

– Готовы? – женщина окинула нас взглядом и остановилась на голых ступнях. – Сейчас принесу.

Спустя минуту она вернулась, неся две пары мягких туфельек. Скорее, тапочек, но с задником. Подошва у них настолько тонкая, что мне стало страшно. В лесу ведь и змеи могут быть, и сучки, которые с лёгкостью проколят ногу.

Этот вопрос я и задала маме, которая доставала корзины из сундука.

– А под ноги смотреть не учили? – буркнула она. – Ещё и на камень острый наступить можно. Поэтому, смотрим в оба и ворон не считаем!

Мне стало страшно. Я то ещё ладно, а вот Янка? Тем более, мне ещё надо будет запоминать всё, что показывает мама.

Но и спорить я не стала, не в нашем положении права качать.

Лес и правда оказался едва ли не за калиткой. Я глубоко вздохнула и на секунду прикрыла глаза. Всё же, воздух очень отличается.

– Идите осторожно, – буркнула травница. – И смотрите по сторонам. Кстати, Арника, грибы знаешь?

– Подосиновики, подберёзовики, белые. Лисички плохо, – я растерялась.

– Это хорошо. Сама смотри и дочке показывай. Ещё мухоморы нужны.

– Зачем? – удивилась я. – Они же ядовитые?

– Если пожарить и съесть, то умрёшь, – кивнула травница. – А если настойку сделать, да по капельке давать больному, то никакого вреда не будет, наоборот.

– Мама! Вот! – воскликнула Яна, показывая пальцем на красную шляпку, усеянную белыми точками.

– Молодец, – похвалила мама Яну. – Внимательная девочка. Значит и лес с добром отнесётся. Пока гриб не трогаем, заберём на обратном пути.

– Лес живой какой-то? – не поняла я. – Что значит “отнесётся с добром”?

– А то, что дары будет давать, – усмеялась женщина. – Нет в этом никакого волшебства, хотя многие верят в лесных чудовищ. Звери только, да и те близко к человеку не подойдут. Боятся.

Я брела по лесу, периодически поглядывая себе под ноги. Больше, конечно, Янке, потому как дочка просто шагала вперёд, не задумываясь, что там может ожидать, в траве.

– Арника, иди сюда, – окликнула меня травница. – Смотри, тёзка твоя.

Я проследила за взглядом женщины и увидела небольшие жёлтые цветочки.

– Ты назвала дочь в честь травки*? – я хихикнула, понимая, насколько это нелепо.

– Зря смеёшься, – чуть грустно улыбнулась женщина. – Я же хотела назвать её Диной. Беременная ходила, всё мечтала, что будут у меня дочь как королеву звать. А потом беда случилась. Рожать начала, а дочка на попе сидит, переворачиваться не хочет. Повитуха развернула, конечно, но началось кровотечение. Вот этой травкой меня и спасли. Настойкой поили.

Я подошла ближе и сорвала цветок. Покрутила в руках, внимательно рассматривая и запоминая.

– А ещё для чего она? – поинтересовалась я.

– Да много от чего, – махнула рукой женщина. – Кашель лечит, простуду. Хорошее растение при...

Договорить она не успела, потому что раздался радостный голос Янки:

– Мам, смотри! Виноград!

Я только обернуться успела, как моя Янка засунула в рот маленькие, тёмно-синие ягоды.

– Стой, дурёха! – рывкнула травница и кинулась к Яне.

Дочка растерянно замерла, только вот несколько штучек всё же проглотила.

– Что это такое? – испуганно спросила я у мамы, подбегая к дочери.

– Девичий виноград*, – женщина нахмурилась. – Идёмте домой, нагулялись. И стоит поторопиться, не понятно, как яд подействует на девочку.

Яна захныкала и прижалась ко мне. Она не понимала опасности, но общий настрой пугал.

– Тише, моя хорошая, – я подняла дочь на руки. – Всё хорошо будет.

– Тошнить будет, – буркнула травница. – А ещё уроком станет не тащить в рот то, что не знакомо.

– Но это же виноград, – хныкнула малышка, обиженно. – Он вкусный!

– Вкусный, – насмешливо повторила мама. – А то я не знаю!

Я торопливо шагала за женщиной, поглядывая под ноги. Желая лишь об одном, чтобы этот яд не причинил вреда малышке.

*Арника горная – старинное лекарственное средство. Им действительно лечили многие заболевания, начиная от гриппа и заканчивая гинекологией. В том числе ии останавливали кровь её настойкой.

*Девичий виноград – Ядовитые ягоды вырастают темно-синего цвета и имеют характерный кисловатый вкус. Встречаются также плоды ярко-черного цвета. На самом деле, чтобы отравиться виноградом, необходимо съесть большое количество ягод, например, целую горсть. От малого количества диких плодов серьезных последствий произойти не должно.

Глава 3

– Отведи пока в комнату, – фыркнула мама, как только мы вошли в дом.

– С ней всё будет в порядке? – взволнованно спросила я, как только вышла из комнаты, оставив там дочь.

– Будет, не переживай, – отмахнулась женщина. – Но кое-чему ты должна научиться, прежде чем вести ребёнка в лес. Стара я стала, не подумала сразу, что детё всё на вкус прробует.

– Этот виноград сильно опасен?

– От того количества, что Яна съела, не будет ничего. Максимум, на горшке посидит с непривычки.

– Но почему мы тогда так поспешно вернулись? – удивилась я. – Я думала, нам нужно собрать травы, грибы.

Мама села напротив меня и улыбнулась:

– Потому что этот страх, что испытывает сейчас Яночка, будет хорошим уроком. И для тебя, кстати, тоже. Янка в следующий раз может съесть не безобидную ягоду, а вороний глаз или ещё что похуже. А ты следить за дочерью будешь.

– Я следила, – буркнула я, насупившись.

– Ты думаешь, я не знаю, каково это, с детьми ходить? – грубовато буркнула мама. – Знаю, и ещё как. На собственном опыте тебя учу. А вот тебе ещё кое-что для размышлений. Знаешь сколько детей от отравлений умирает? Здесь не лютое средневековье, где детей двадцать штук нарожали лишь бы хоть один выжил. Нет, детей берегут и любят. Только не всегда получается соломку подстелить. Поэтому и учат с младых ногтей всему. Чтобы дети крепко накрепко помнили, что для них опасно, а что можно.

– Высокая смертность? – спросила я, понимая, что травница целиком и полностью права.

– Не высокая, но есть. Опасных заболеваний и эпидемий здесь не бывает, а с простудой и переломами я справляюсь. Больше в родах гибнут, как младенцы, так и матери. Ну и дети, конечно же. Кто в речке утонул, кого в лесу потрепал медведь. Травятся многие. Или в поле, вон, бегают. Они же как, под ноги не смотрят, а там ведь гадюки.

Я похолодела. Как мне вырастить дочь в этом страшном, опасном месте? Казалось бы, просто деревня, коих в России тьма. Но отсутствие телефонной связи и хорошей, качественной медицины сильно отличает два таких похожих мира. Не будь того странного перемещения, я бы была уверена, что мы на Земле. Всё абсолютно такое же. И лес наполнен рядами стройных берёзок, и небо такого же, пронзительно-голубого цвета.

– Что, испугалась? – усмехнулась мама. – Ничего, привыкнешь. И страх отпустит. А теперь вот.

Женщина встала и подошла к сундуку. Немного покопавшись, выудила оттуда бутылёк с коричневой жидкостью.

– Что это? – заинтересовалась я.

– Настой чистотела, – пробормотала мама, наливая лекарство в напёрсток. – Не вкусное, но действенное. Всё ненужное из организма выводит.

– Я думала, им только бородавки прижигать, – удивилась я.

– Лес нам даровал чудо, Арника. – серьёзно произнесла травница. – Люди, живущие в ладу с природой, очень редко бывают подвержены болезням, с которыми травы не справятся. Иммуитет сильнее, здоровье крепче.

– А какая продолжительность жизни? – поинтересовалась я. – Лет пятьдесят же?

– Да брось, у нас тут есть бабка Авдотья, так её уже за сто перевалило. Оно же как, некому за стариком присматривать, так и старается он прожить больше и в добром здравии. Помирать в одиночестве никому не хочется, вот и живут. Ещё и работать приходится. Та же Авдотья хоть

и ходит постоянно за настоями да притирками, но всё равно с рассветом на ногах, хозяйством занята. Ии дочери лекарство дай, а то боится же ребёнок.

Ребёнок, как оказалось, уже и забыл, что отравился жутко ядовитым растением. Она спокойно сидела на кровати и увлечённо разглядывала что-то в окне.

– Что ты там увидела?

Я подошла к Яне и глянула в окно. На дороге мальчишки увлеченно играли в салочки.

– Мам, а мне можно к ним? – с затаённой надеждой спросила дочь. Она так любила всегда детей, только дружбу завести не могла по понятным причинам.

– Давай спросим у бабушки, хорошо? – не стала я обнадеживать или, наоборот, огорчать девочку.

Травница задумалась над нашим вопросом. Видно было, что она не горит желанием отпускать Яну, но и удерживать какой смысл? Не сидеть же нам теперь взаперти.

Мама тяжело вздохнула и отрицательно покачала головой, от чего Янка расстроено хныкнула. Я уже начала думать, чем же занять ребёнка, чтобы она не скучала в одиночестве, но вмешался случай.

Сначала громко залаяла собака, сидящая на цепи, а следом в дверь постучали и закричали:

– Баба Веся, открывай, помощь твоя нужна!

– Вот же! – буркнула травница и зыркнула на Янку. – Ну что нос повесила? Иди, играй с детьми.

– А как же собака? – спохватилась я. – Яна не сможет сама выйти.

– Да что та собака, – махнула травница рукой. – Только и делает, что брешет. Да и не достаёт цепь до крыльца и калитки.

Янка весело подпрыгнула, хлопнув в ладоши и хотела уже броситься к двери, но я вовремя остановила её.

– Яна, запомни, меня зовут Арника. Поняла?

– Да, мамочка, – степенно ответила дочь, скромно опустив глазки.

Мама едва успела дверь открыть, как мимо неё и гостей прошмыгнула светлая головка. Убежала, егоза! И я бы хотела убежать, потому как любопытные взгляды уже остановились на мне. Вопросов не избежать.

– Что у вас? – совершенно не гостеприимно буркнула травница.

– Ратибор ногу пропорол, – махнула рукой собеседница. – Мужики сейчас принесут больного. А я смотрю, гости у тебя?

– Дочка с внучкой приехали. Проходи, да дверь не закрывай. Как же так муж у тебя? Конец лета, урожай собирать надо, надо сено запастись, а он и не сможет.

– Да справимся, – махнула женщина рукой. – Дочка с внучкой, говоришь? Не говорила ты, что у дочки дети есть.

– Я и о неё самой не шибко рассказывала.

Мама поняла, что удерживать любопытную селянку просто нет смысла.

– А муж где? Умер?

Вопрос был задан мне. Я покосилась на травницу, но та лишь вздохнула. Да и некогда ей было, широкую лавку протирала.

– Нет мужа, – честно ответила я. – Не успели мы в храм сходить, погиб он. Только после смерти его узнала, что под сердцем Яну ношу.

– Не успели? – хмыкнула женщина. – А родители мужа что? Не приютили?

– Зачем Арнике ютиться у чужих? – вступилась за меня травница. – Мне помощь нужна, не молода уже.

Гостья ничего сказать не успела, потому как в дом занесли мужчину.

– Ох, что же сразу не привели? – покачала головой мама, рассматривая ногу.

– Дык почитай сразу, баб Весь, – всплеснул руками детина. – От боли он сознание потерял.

– Плохо это, но ничего, справимся. Иди, Тихомир. Без тебя справимся. И мать забирай, нечего отвлекать нас.

– Никуда я не пойду! – возмутилась женщина. – При мне лечи!

– Тихомир, выйди, – приказала мама, даже не глядя на парня. Дождавшись, когда хлопнет входная дверь, мама заговорила вновь, смотря в глаза гостье. – Ты хочешь без мужа остаться, поддавшись глупой ревности? А ну как лечить откажусь, а? Успеет сын до города за лекарем съездить? Меня оскорбляешь, и дочь мою. Не потерплю такого! А если вздумаешь языком трепать по деревне, я всем расскажу, сколько ты приходила ко мне плод изгонять. Сколько Ратибор дочку просит, а? Уже почитай лет пять, и вот все пять лет бегаешь ко мне “Помоги, бабушка Весь”!

Женщина поджала губы и встала из-за стола.

– Уйду я, но видят всевышние...

– Уходи, Авдотья, – с нажимом произнесла мама. – И смотри мне, не болтай лишнего, а то знаю я тебя.

Женщина вышла, а мама покачала головой.

– Плохо это. Не думаю, что на Авдотью сильно мои слова подействовали. Слухи гулять начнут всё равно. Но что уж теперь. Давай лечить.

– Что надо делать? – тихо спросила я, решив ничего не говорить о вредной гостье.

– Спирт в сундуке достань, налей в чашку немного. Там иглу прополоскай, да нитку замочи. Ох, лоб горячий, как бы заражения не было.

Женщина покачала головой и подошла к полке с пузырьками. Постояв около него, мама выбрала один и откупила крышку. Я же занялась иглой.

– Смотри и запоминай, что я делаю, – пробормотала мама, подходя ко мне. – Руки всегда спиртом протирай. Или крепким алкоголем, если спирта нет. Так ты убьёшь микробы, которые можешь занести в кровь. Я бы и рану спиртом полила, но боюсь Ратибор боли не выдержит. Так что спиртом только края раны, а вот настойка календулы справится должна. Шить-то умеешь?

– Вещи умею, а человека никогда, – растерялась я. Меня и так уже мутить начало от вида и запаха крови, успокаивало лишь то, что мужчина живой.

– Бледная ты какая-то, – фыркнула мама. – Привыкай, такое тут часто. Да и человека шить не на много сложнее, чем платье штопать. Втыкай иглу, да втыкай. А о человеке и о том, что боль причиняешь, не думай. Смерть хуже небольшого шва.

Мама вытащила из печи воду, которая ещё была горячей, и налила в таз. В сундуке взяла чистые тряпочку, и, смачивая лоскут ткани, начала промывать рану.

– Не всё так уж и страшно, – удовлетворенно заметила мама. – И чего сразу сознание терять? Слабые мужики, ой слабые! А ты ворон не считай, а запоминай!

Я внимательно следила, что делает травница. Это было похоже на стандартную операцию в больнице.

Смочив лоскут спиртом, мама обтерла края кровоточащей раны и нахмурилась.

– Кровь остановить надо бы, не прекращается. Ну-ка, дай ремень из сундука.

Я передала широкую полоску кожи.

– Смотри, перевязывать надо над раной, да так, чтобы артерию перетянуть. Видишь? Кровь хоть и сочится, но уже не так сильно. Только теперь стоит поторопиться, нехорошо это, без крови ногу оставлять.

Протерев края раны спиртом ещё раз, мама щедро ливнула внутрь настойку и взялась за иглу и нитку, перед этим ещё раз ополоснув руки спиртом.

Следить за тем, как игла протыкает кожу, было практически невыносимо, но и отвернуться было нельзя. Всё же, мне эти знания могут очень сильно помочь. Тем более, ничем другим я не смогу заниматься.

Стежок – узелок – стежок. Страшно, но завораживает. Именно такие чувства и возникают у людей, которые увидели аварию или несчастный случай с погибшими или ранеными. Тот же ступор, страх и непонятное влечение.

– Готово, – удовлетворённо кивнув, отозвалась травница, разглядывая шов сантиметров десять в длину. – Теперь смазать мазью, да замотать хорошенько.

– А мазь из чего? – любопытствовала я.

– Кора ивы и воск пчелиный. Вообще, почти каждая травка заживлять умеет, но кора ивы лучше, опять же, воспаление снимет.

Размазав коричневатую субстанцию по ране, мама обернула ногу отрезом чистой ткани и встала на ноги.

– Ну вот и готова. Пойду, Тихомира кликну, пусть отца забирает.

– А почему он в себя не приходит? – тихо спросила я, глядя на бледного мужчину.

– Придёт, но попозже. Не переживай, нормально всё будет. Недельку отлежится и будет бегать как молодой.

Мама ушла, а я смотрела на пятна крови, на бледного пациента и думала, что вряд ли справлюсь с такой работой. А ещё, надо слишком много знать и очень страшно запутаться, ведь ошибка может стоить чьей-то жизни.

Я оторвала взгляд от Ратибора и пошла в свою комнату, чтобы выглянуть на улицу. Янка увлечённо играла с детьми, весело хихикая.

Ну вот и замечательно, может она здесь друзей найдёт. Думать о чём-то большем, например, что Яна вырастет и ей придётся искать жениха из местных, думать не хотелось. Она ведь превратится в такую же клушу, как Авдотья. Или её закусает односельчане. Нет, всё же нельзя нам оставаться в деревне навсегда, не такой судьбы для ребёнка я хочу. Тем более, когда знаешь, какая жизнь может быть. И просыпаться, едва солнце взошло, чтобы подоить корову и накормить кур – не может быть пределом мечтаний.

– О чём задумалась?

Я и не услышала, как подошла травница.

– О том, что нам надо перебираться поближе к цивилизации, – вздохнув, призналась я.

– Читать сначала научитесь хотя бы, – усмехнулась женщина. – Да и ремеслу какому. Иначе жизнь лучше не станет. Ты думаешь, в деревнях живут потому что не знают, что можно уехать? Глупости. Не счесть, сколько молодых упорхнуло из родительского дома, думая, что вот там, хотя бы в том же Гарне, жизнь лучше будет. Только без умений, монет и хоть мало мальского образования делать там нечего. Даже учеником мастера какого стать сложно, потому что родители ни читать, ни писать не научили, сами не умеют. Кто-то вернулся, как Авдотья, разочаровавшись в жизни. Кто-то сгинул. А кто-то пошёл по неправильной дороге. Красть да мужчин улаживать. Очень много мальчишек закончили свою жизнь на виселице, думая, что смогут за чужой счёт разбогатеть. А девочки...

– В надежде найти богатого господина, который без памяти в неё влюбится, раз за разом совершали ошибку, – усмехнулась я.

– Именно так, – кивнула мама. – Кому-то удавалось стать любовницей, но это тоже редкость, да и порицается такое. Так что, не торопись пока. Может и получится так, что именно в этой деревушке и найдёте свою судьбу. Идём, поможешь мне обезболивающий отвар приготовить.

Я не стала спорить. Да и зачем? Лучше потратить это время с пользой.

– В этот раз, отвар будешь делать ты, – огорошила меня мама. – Это не сложно, так что справишься. Смотри.

Травница подошла к стене и отодвинула шторку. Оказывается, за ней скрывались сушеные травы, развешенные в небольшие пучки. Взяв один такой маленький веник, она развязала бечёвку и отмерила половину сухих веточек.

– Возьми чугунок маленький, да плесни туда воды.

Я подала необходимое и внимательно проследила, как травница ломает веточки и листочки, кидая их в воду.

– Сухой травы не много надо, примерно десятая часть от воды. А теперь ставь в печь. Отвар нужно довести до кипения и дать немного покипеть на слабом огне.

К печи я подходила с опасением. Но, как выяснилось, ничего страшного или опасного. Жар от углей был сильным, но если не хватать железную дверцу печи голыми руками, а использовать специальную, толстую рукавицу, то обжечься не получится. Кое-как пристроив горшок, едва не опрокинув его на неровных углях, я вспомнила, что примерно такое уже однажды видела.

В далёком детстве, будучи в Янкином возрасте, родители отправили меня в деревню к бабушке. Вообще, у неё была кухня с водопроводом и нормальная газовая плита. Но в один из вечеров баллон с газом кончился, а нам хотелось чаю попить. Тогда бабуля растопила печь. Единственное, у неё кастрюля стояла не на самих углях, а на железной решетке, под которой тлели угли.

Сделав в памяти заметку, что надо спросить у травницы, как дорого будет переложить печь и реально ли вообще это, я дождалась закипания воды.

– Теперь жди, – негромко сказала мама. – Тут не долго. Траве следует отдать все полезные свойства. Пока огонь делает своё дело, достань чистую кружку. В сундуке есть марля. Вот возьми её и на кружку положи, чтобы отвар перелить. Шалфей не принесёт вреда, если попадёт. Но ничего приятного в том, чтобы жевать растение, нет.

Кивнув, я сделала всё, что мне велели. Перелив полученное лекарство в большую кружку, я показала травнице.

– Хорошо, – женщина кивнула и подошла к больному. – Сейчас я его разбужу, надо напоить отваром да домой отправлять. У меня не лекарский дом, да и нечего мужчине делать там, где девушка свободная живёт.

– У нас и не обратят внимания на такое, – я улыбнулась, вспоминая дом.

– А зря, – буркнула травница. – Ничего хорошего в распушенности нет. Понравились друг другу? Значит, стройте семью.

– А если это была только симпатия. Или пусть будет любовь, но вот в быту они не сошлись. То что тогда? Разводиться? – мне стала интересна логика травницы.

– Вы, молодые, не понимаете, что семья это труд. Труд двоих, конечно же. И не такой, что тебе каждый день мешки носить. Моральный труд. Терпение нужно, нужно уметь подстраиваться. Если сошлись два взрослых человека, то и ответственность за семью несут двое. Ты знаешь, почему в деревнях практически не распадаются семьи?

– Потому что это порицается? – предположила я.

– И это тоже, конечно. Но в основном живут-то спокойно, ибо скандалить некогда. Разве есть время на ссоры, когда с самого рассвета мужик в поле или на охоте, а баба со скотиной управляется, да дом глядит? Некогда им ругаться. Им бы поужинать да спать лечь. И мыслей глупых не возникает, потому как думают они больше о том, как бы сена запастись, чтобы на зиму хватило, да припасов побольше сделать. Мы же не медведи, чтобы в спячку впадать.

– А если жизнь невыносима? Пьёт мужик много, жену колотит? То что? Оставаться и терпеть?

– Глазами надо смотреть, за кого замуж выходишь. Родителей спрашивать, подходит ли человек. А не так: влюбилась и побежала в храм бегом. Тем более в обществе пьянки и разборки порицаются очень. Никто с таким мужиком даже разговаривать не будет, что семью в

страхе держит. Всё, давай болезного будить. Хватит ему тут валяться. Ты иди, Янку позови. А я напою.

Я кивнула и пошла на выход, обдумывая полученные знания. Права знахарка, родителей всё же слушать надо. Глядишь, жизнь бы моя сложилась иначе, прислушайся я тогда к советам не торопиться и всё обдумать.

Глава 4

Возле калитки стояла ранее упомянутая гостья, с простым, деревенским именем Авдотья. И сын, который не спускал с меня заинтересованного взгляда.

Неужели сплетница не смогла удержать язык за зубами и проболталась таки сыну о своих подозрениях?

Женщина окинула меня презрительным взглядом и сморщила нос. Смешно... Она ведь действительно ничего не знает, а со своей узколобостью и не поймёт, что же на самом произошло.

– Яна, – окликнула я дочь, весело играющую с мальчишками. – Идём домой, милая.

– Бегу, мам! – крикнул ребёнок и повернулась к друзьям. – Мне надо бежать, мама зовёт.

Попрощавшись с друзьями, Янка побежала ко мне, весело подпрыгивая.

– Ратибор очнулся, – из дома вышла травницы малхнула рукой односельчанам.

– Ян, иди пока в комнату, хорошо? – шепнула я дочери, подпихнув рукой в сторону двери.

Не стоит её смотреть на раненого мужчину, да и разговоры старших слушать ни к чему.

– Тихомир, помоги отцу, – скомандовала Авдотья.

Радомир лежал на лавке с бледным, измученным лицом.

– Может оставить его под присмотром хоть на пару часов? – с тревогой спросила я у травницы. – Не выглядит он здоровым.

– Мужа моего себе хочешь? – прошипела Авдотья, подходя ко мне вплотную. – Не бывать этому!

– Арника права, Авдотья, – негромко сказала травница, вглядываясь в глаза пациента. – Не нравится он мне.

– А он и не золотой, чтобы нравиться, – процедила женщина. – Ничего, дома отлежится. Тихомир! Кому говорю! Веди отца домой!

– Матушка, но ведь батьке плохо, – детина растерянно посмотрел на меня в поисках поддержки, но я отвела взгляд.

Если уж травница молчит, то мне тем более не следует лезть.

– Веди, сказала, – рыкнула Авдотья и повернулась к маме, – Это за помощь тебе.

На стол легли три серебряных монеты.

– Авдотья, не дури, – строго сказала травница. – Если жар будет или бредить начнёт, но сразу же ко мне. Это не шутки.

Женщина не ответила. Молча развернулась и вышла, напоследок зыркнув на меня недобрым взглядом.

– А что с ним? – как только за Авдотьей закрылась дверь, спросила я.

– Да что угодно, – мама махнула рукой. – Начиная от начинающегося заражения крови, до простой лихорадки из-за раны. Не повезло Ратибору, Авдотья не захочет за помощью бежать. Ладно, их дело. Пора обед готовить.

– А что будем готовить? – заинтересовалась я.

– А знаешь, – травница хитро улыбнулась. – Давай устроим праздник? Испекём пирог сладкий, вкусный обед приготовим. А?

– Давай, – кивнула я, готовясь помочь.

К счастью, готовить я любила всегда, да и нужные продукты были под рукой. И если мама учила готовить простые блюда, то бывший муж требовал изысков и красивой подачи.

– А может мне открыть едальню? – спросила я, нарезаю овощи на жаркое. – Готовить я умею, рецепты знаю. Научусь с печкой обращаться и всё.

– И кому рецепты твои нужны будут? – усмехнулась травница. – Вся знать предпочитает питаться дома или в гостях. В очень редких случаях они посещают рестораны, которых во

всём королевстве штук пять наберётся. Ну и на постоялом дворе. Но чтобы открыть ресторацию или хороший постоялый двор, очень много надо золота. Да и конкуренция задавит, ведь знать редко останавливается в таких местах.

– А как же остальные горожане? – я нахмурилась. – Неужели они не сидят в трактирах?

– Женщины по таким местам не ходят, а мужикам нет особой разницы, чем самогон закусывать. Так что там готовят что-то максимально простое и не очень качественное, экономя на продуктах.

– Странный мир, – пробормотала я. – Хотя, может это и нормально для, можно сказать, средневековья.

– Ко всему привыкаешь, – усмехнулась мама. – Сегодня вечером познакомлю тебя со старостой. Владимир мужик хороший, понятливый. Может и подскажет, как быть.

Я отложила нож и села на лавку.

– Я за Яну переживаю. Дети жестоки, а Авдотья язык за зубами держать не умеет. Как бы беды не было.

– Будем присматривать за девочкой, что уж теперь, – вздохнула мама, даже не думая успокаивать. – Но чем старше будет становиться Яна, тем опасней ей здесь будет. Повезёт, если сбережёт себя до четырнадцати, тогда может и сваты придут. А ежели нет...

– Да ты с ума сошла! – я даже подскочила со скамьи. – Какие четырнадцать? Ей учиться надо, жизнь хоть немного увидеть! И что значит если сбережёт?

– Сядь! – строго приказала травница. – Ты что думаешь, здесь как и на Земле, до совершеннолетия тянут? Может и тянут, но только знать. А в деревне всё проще. Выдать замуж стараются раньше, чтобы избавиться от рта лишнего. В деревне дети познают взрослую жизнь с пелёнок. Сложно утаить, как дети делаются, когда бык на корову лезет. Так что бывают случаи, что девочки раньше спать начинают. На мальчишек то не смотрят, плевы нет, беречь нечего.

– Какой ужас, – прошептала я, закрывая лицо ладонями.

Страх змеей заполз в сердце и свернулся клубком. Даже представить не могу, чтобы Яна так рано замуж вышла. Да состарилась к тридцати, рожая детей.

Как убережёт? Как спасти?

– Я должна увезти дочь отсюда, – хрипло произнесла я.

– Время у тебя немного есть, так что не думай пока об этом. Учись лечить людей, не пропадёшь в городе с такими знаниями. Да хотя бы в аптеку работать пойдёшь, всяк копеечка какая.

Травница смотрела на меня абсолютно спокойно. Она привыкла. Или смирилась... Ведь даже тогда, в военное время, было более цивилизованно. Но как к такому можно привыкнуть? Я не смогу, просто не справлюсь. А значит, я любыми способами просто обязана вырваться из деревни.

Обед мы доготавливали молча, каждый думая о своём. Радовало, что хоть это мне знакома и не придётся учить новые продукты.

Когда жаркое подоспело, травница достала чугунную кастрюлю из печи и поставила на деревянную подставку посреди стола.

Я же нарезала хлеб.

– Баба Веся! Баба Веся! – донеслось с улицы.

А следом раздался стук в дверь и на пороге появился чумазый подросток лет тринадцати.

– Что тебе, Фонька? – усмехнулась мама, расставляя чашки для еды.

– Так дядька Владимир послал. Сказал, чтобы пришла, да поглядела, какую часть взять.

– Тьфу, забыла совсем, – всплеснула руками женщина. – Как быть то. Так, Арника, бери Янку и идём, знакомиться со старостой. Нечего мужика по несколько раз отвлекать.

– Так что сказать-то? – мальчишка спрашивал у травницы, но смотрел на меня. С любопытством.

– Иду я, иду, – буркнула женщина.

– Баб Весь, а вам дров наколоть не надо? – тихо спросил подросток.

– Что? Опять? – травница покачала головой и развернулась в сторону сундука. – Грядку мне прополешь за это. А матери скажи, чтобы пришла всё-таки. Не понимает, что ли, что совсем сиротой тебя оставит?

Мальчишка хотел что-то ответить, но посмотрел на меня и опустил голову.

Травница достала флакон с тёмной жидкостью и передала мальчишке.

– Как принимать – знает. И вот ещё, сама я к вам приду. Точно не скажу когда, но приду. Может и получится мать твою вразумить.

– Спасибо, – кивнул пацан и собирался убежать, но травница остановила.

– Фонька, лекарство отдашь и сюда, лук полоть. Да дождись, пока я не вернусь, понял?

– Хорошо, баб Веся, – послушно кивнул мальчишка и, дождавшись, пока травница кивнёт, усвистел на улицу.

– А кто это? – я махнула рукой в сторону улицы.

– Фонька-то? Сын Василиы. Вот, кстати, пример тебе, как в деревнях не принимают женщин, нагулявших ребёнка. Василиа замуж собиралась, да жених решил на фронт уйти. Как раз стычка с Каримом была, соседнее королевство. Там и погиб, а Василародила Фролку.

– Так получается все знали, что они в храм собираются? – опешила я. – Но тогда...

– А вот так, – оборвала меня женщина. – Ты думала, я тебе просто так говорю, что жизнь нелегкой будет? Родила вне брака – падшая. Вот Василиа и живёт, точнее, выживает. Мальчонку никто особо не трогает, привыкли уже. А ей проступок так и не простили, до сих пор в деревню не пускают.

– А как же она живёт? – мне было искренне жалко женщину, у которой судьба и так не радостная, а тут ещё и селяне.

– Ну как? Коз разводит, огород имеет. А если что надо, то Фоньку отправляет. Да толькоо захворала Василиа, уже месяца три Фонька бегает, обезболивающее берёт. Мне не жалко, хоть и заставляю отрабатывать. Всё же, я тоже время и силы затрачиваю, чтобы травы собрать. Ладно, это всё потом. Идём, познакомлю вас со старостой. Авось приглянешься ему.

Я настороженно посмотрела на травницу. Женщина усмехнулась и покачала головой:

– Думаешь, сватать тебя буду? Нет, не буду. Если понравишься Владимиру, то не позволит тебя шпынять. От слухов и косых взглядов не уберезёт, а вот от козней защитит. Бери Янку и идём.

Я позвала дочь и двинулась за травницей, крутя головой по сторонам.

Утром мы вышли с заднего двора, так что увидеть саму деревню не вышло, только краешек. Всё же, она разительно отличалась от той, что я видела в детстве, приезжая к бабуле.

Аккуратные домики стояли посреди ухоженных участков. Пусть и из тёмного, будто гнилого дерева, но ровненькие, а не косые, как мне показалось вчера. А главное, на каждом участке росли цветы, стояли скамеечки. Не было ни одного дома с нерадивыми хозяевами: поросшие травой и с покосившимся забором. Даже обычная дорога, посыпанная песком, ровненькая и аккуратная.

– Красиво здесь, – тихо сказала я, разглядывая местность.

– Да, – кивнула мама. – Благодаря старосте. Простый был ворюгой и пьяницей. А Владимир хорошо смотрит за деревней, не позволяет запустить дома.

– А почему они такие тёмные, словно пожар пережили или гниют, – мне хотелось подойти и поковырять дерево пальцем.

– Валежный дуб. Это такая разновидность дуба. Вода нипочём, не гниют. Жаль, горят. Но тут уж ничего не поделаешь. Мы пришли.

Я глянула чуть в сторону и удивлённо распахнула глаза, увидев животное за забором.

– Кто это? – Янка ткнула пальцев в это чудо, которое почему-то хрюкало.

– Хряк обычный, – хохотнула травница. – Порода такая, Мангалица*. Очень удобно. И мясо есть, очень вкусное и жирное, и шерсть на одеяла да подушки.

Я покачала головой и приблизилась к забору. Такое чудо я не встречала ни разу. Хотя слышала, что не то в Венгрии, не то в Англии такие водились. Правда, очень давно и вроде как вымерли.

– Бабушка Веся, здравствуй, – послышался густой баритон.

Я подняла голову и встретилась взглядом с высоким, поджарым мужчиной. Невозможно сказать, сколько ему лет, поскольку чёрная, густая борода закрывала половину лица.

– Мама, это какой-то неправильный дед мороз, – пробормотала Янка, отодвигаясь за мою спину.

– У нас гости? – взгляд пронзительных, синих глаз остановился на мне.

Я перевела растерянный взгляд на травницу.

– А, Владимир, здравствуй, – мама улыбнулась мужчине. – Вот, дочка с внучкой приехали, помогать будут. Сам понимаешь, стара я уже, пора знания передавать.

– Смену себе обучаешь, значит, – мужчина усмехнулся. – Идём, там свинью режут.

– В смысле? Прямо сейчас? – пискнула я и ошарашенно посмотрела на дочь.

– А когда? Завтра что ли? – не понял староста. – Сейчас быстро и поделим. Я матушку твою всегда первой за мясом зову, единственная травница в деревне всегда ужинать досыта должна.

– Мама, подожди, – остановился я травницу. – А как же Яна?

– А что не так? – нахмурилась женщина.

– Там свинью резать будут, а Янка маленькая, – прошипела я так, чтобы Владимир не услышал.

– И что, что маленькая? – буркнула травница. – Ничего, свыкнется. Идём, и не спорь!

Я покорно кивнула и поспешила за женщиной. Шаг, ещё шаг.

А потом раздался визг. На столько громкий, что казалось я оглохну. Яна вцепилась в мою руку мёртвой хваткой, пискнув. Плюнув на всё, я остановилась и присела перед дочерью:

– Милая, ты не хочешь пока поиграть здесь? Мы с бабулей скоро вернёмся.

– Ты пойдёшь туда? – голубые глаза расширились от ужаса. – Мамочка, я боюсь!

– Тебе нечего бояться, – поспешила успокоить я дочь. – Помнишь, мы с тобой разговаривали про охоту?

– Да, папа охотился на зверей, чтобы принести домой мясо, – послушно повторила Яна мои слова.

Мне не нравилась такое объяснение, потому как дичь Ярослав домой не носил. В отличие от бедной хрюшки с мохнатыми ушами, жертвы мужа убивались ради развлечения.

Я не была наивной, да и далека от Гринпис, но увлечение мужа не поддерживала. То, что сейчас происходило во дворе старосты было... нормальным.

– Свинку убили, чтобы нам было что кушать, – подбирая слова, заговорила я. – Но я бы не хотела, чтобы ты это видела.

– Хорошо, – кивнула Яна. – Я не пойду туда, подожду здесь.

– Отлично, – я улыбнулась и погладила дочь по голове. Ободряюще кивнув, я побежала догонять травницу, которая уже скрылась за забором.

Как оказалось, мои страхи были ложные. Никто не собирался вести нас на задний двор и показывать раздел туши во всей красе. Владимир проводил нас в дом и налил в кружки чай.

– Ну что, рассказывайте, – мужчина окинул нас внимательным взглядом. – На долго ли дочь приехала? Не против ли муж?

– Нет мужа, Владимир, – не лукавя, прямо отозвалась мама. – Нет и не было. Я хотела сегодня идти к тебе, да запамтовала, что сегодня скот режут.

– Привела ты мне проблему, баб Веся, – староста поджал губы и нахмурился.

– Владимир, я тебя знаю, – тихо заговорила травница. – Ты толпу угомонишь, а я подсоблю.

– Василе моя помощь не помогла, – хмыкнул староста. – Но твоя дочь другая. Я надеюсь.

– Я обучу Арнику, – поджала губы мама. – Будет мне сначала помощницей, а затем и сменит. Единственную травницу тронуть не посмеют, сам знаешь.

– Но и помощи от неё долго принимать не будут, – парировал Владимир. – Отправила бы ты её в город. Внуку у себя оставь пока, а дочку отошли. Сама же знаешь.

– Знаю, но отсылать не буду, – заупрямилась мама, и я понимала причину.

– А ты чего молчишь? – староста окинул меня хмурым взглядом. – Понимаешь, что жизнь сахаром не будет?

– Понимаю, – едва шепнула, опуская голову.

Было стыдно, словно я и есть та самая падшая женщина. И ведь не расскажешь никому, что брак у меня был, да не сложился. И что Яночка зачата была уже в браке.

Повисла гнетущая тишина. Мы с травницей ждали ответа. Владимир – единственный, кто в праве выгнать меня из деревни. Как бы странно это не звучало, но староста был здесь всем... Он собирал налоги, он отчитывался перед знатью, он был судьёй и исполнителем наказания.

– Пусть Арника остаётся, – заговорил наконец мужчина, а мы с мамой облегчённо выдохнули. – Я поговорю с народом, не позволю преступить закон. Но и повода давать не надо. Веди себя тихо и благочестиво.

– Хорошо, – послушно кивнула я.

Я и не собиралась ругаться с местными женщинами и устраивать войну. Более того, я вообще не хотела с ними общаться, но жизнь вносит свои коррективы. Вот и в этот раз всё пошло совсем не по плану.

Мы допили чай в спокойной, я бы даже сказала, дружественной обстановке. Владимир разговаривал с травницей о травах и отварах. Я же молча слушала. Как выяснилось, бабушка Веса была не только травницей, а точнее знахаркой. Она ещё и ветеринаром слыла неплохим. Отчего её ценность для деревни возрастала просто до немыслимых высот.

Мы уже собирались выходить из дома, как послышался крик. Кричал ребёнок, мальчишка. Громко, с надрывом.

Мы бросились на улицу. У самого входа в меня влетела Янка, она с разбега обняла меня за ноги и уткнулась в живот, громко рыдая.

– Милая, что? Что произошло? – испуганно запричитала я, осматривая ребёнка со всех сторон на предмет ран или царапин.

– Мам, я не хотела! Не хотела! Он сам первый начал!

Я присела перед дочерью и крепко обняла. Яна не конфликтный ребёнок, это я заметила ещё на Земле. Из-за частых скандалов родителей перед глазами, Яна вообще боялась громких криков и агрессии.

А чтобы дочь кого-то обидела? Да она же даже защищаться не умеет!

– Что здесь произошло? – рявкнул Владимир, переведя взгляд с орущего мальчика на Яну. – Ну?

– Он обзывался и толкался, – практически прошептала Яна, прижимаясь ко мне и со страхом глядя на огромного мужчину.

– Влас? А ты что скажешь? – суровый взгляд метнулся в сторону мальчика. – Ты уже взрослый, чтобы рыдать из-за разбитого носа.

– Я не обзывался! Я сказал правду! Мама говорила, что она выродок, а мамка потаскуха!

Я задохнулась от обиды и шока. Они меня ведь и не знают! И чёрт с ним, я потерплю, но зачем на ребёнка всё это вываливать?

– Иди, Влас, – махнул рукой Владимир. – Да не забудь отцу сказать, чтобы пять кнутов выписал.

– За что?! – возмутился мальчишка, а я побледнела. Здесь вполне нормально бить детей?
– За то, что обзываешься, – строго парировал староста. – А будешь спорить или пытаться обмануть, ещё добавлю.

– А ей? – Влас смирился с наказанием и махнул в сторону Янки. – Она мне кулаком ударила, в нос!

Яна вздрогнула и прижалась ко мне ещё сильнее, а я со страхом посмотрела на Владимира. Тоже розги? Но я не буду лупить дочь! Это дико!

– Яна честь свою защищала, – Сурово рыкнул староста. – К тому же, младше тебя. Разве учил тебя отец маленьких обижать?

– Нет, – Влас опустил голову, признавая ошибку.

Когда мальчишка ушёл, Владимир повернулся к нам и покачал головой.

– Привыкайте. Научитесь не обращать внимания, сможете жить почти как все. А ежели не выдержите, то станете как, – староста глубоко вздохнул и махнул рукой, не желая продолжать.

– Идём, Арника, – проворчала травница и повернулась к Владимиру. – Не пойду я выбирать, пусть кто-нибудь принесёт окорок, да кусочек сала. А мы потом рассчитаемся.

До дома мы дошли намного быстрее. Я уже не с таким восторгом рассматривала окрестности, думая лишь о том, как привыкнуть к такой жизни.

Фонька нас ждал у калитки. Чумазый, испачканный землёй, но с улыбкой.

– Всё сделал? – сурово спросила травница, внимательно глядя на ребёнка.

– Да, баб Веся, – кивнул подросток. – Лук без единой травинки!

– Идём тогда, пообедаешь с нами, – смилостивилась женщина и пошла в дом.

– Мама, – Яна дёрнула меня за руку, привлекая внимание, как только мы остались одни. – Я домой хочу.

– Теперь здесь наш дом, милая, – с улыбкой тихо сказала я.

Не рассказывать же ребёнку, что лучше бы мы остались. Возможно, со временем, Ярославу надоело бы за нами гоняться. Или и правда можно было бы уехать в другой город.

Эх, Валенсия. Вроде и доброе дело сделала, а вроде и сильнее угрозу навлекла.

– Руки мойте, да за стол, – травница была задумчива и неразговорчива. Вроде как праздничный обед превратился в обычный приём пищи. Фонька кидал любопытные взгляды на Янку и даже предпринимал поправки поиграть. Но Яна, напуганная ситуацией возле дома старосты, отвечать на игры не желала. Дочка быстро поела и убежала в комнату.

Вздохнув, Фонька тоже не стал задерживаться, опустошил тарелку и выбежал из дома, коротко поблагодарив.

– Помой посуду, я со стола уберу, – женщина встала со скамьи и принялась убирать остатки еды.

– Как часто бьют детей? – решила я наконец, собрав тарелки в тазик.

– Как они того заслуживают, – пожав плечами, спокойно ответила мама. – Если не принимать меры.

– Меры? – я нахмурилась. – Какие?

– Воспитательные, Аринка. Если детей с малого возраста не воспитывать, тогда придется и розги в руки брать. В деревнях дети сами себе предоставлены, некогда родителям смотреть за ними. Пока боятся прутом по заднице получить, вроде как не сильно шалят. А если знают, что ничего им не будет, то и до убийства дело может пойти. Хватит болтать, я жду.

Я быстро ополоснула тарелки в тазике, потёрла тряпкой и окунула в другой тазик, с чистой водой. Далее полагалось протереть посуду чистой, сухой тряпкой и поставить на место. А воду вылить на огород.

Отсутствие химии, типа жидкости для мытья посуды, позволяет так сделать.

Ополоснув оба таза, чтобы не осталось жирных следов, я повесила их на стену, на специальные гвоздики, и села на скамью, напротив мамы.

– У меня есть несколько листков, – травница вынула из сундука серые листы бумаги и маленький бутылёк с чёрной жидкостью. – Один тебе, для алфавита. А остальные Янке, ей больше надо. Я сейчас напишу алфавит, а ты заучи. Потренироваться можно и на улице, на песке палочкой рисовать будешь. Но выучить придётся быстро. Хорошо ещё, что разговорный учить не надо. Садись и смотри.

Я подседа ближе и стала внимательно следить за травницей и тем, что она выводила тонким пером на серой бумаге, очень низкого качества.

– Мне знакома эта письменность, – задумчиво произнесла я, разглядывая округлы буквы. – Очень похож на грузинский.

– Наверное, – травница пожала плечами. Напротив символов этого мира, мама ставила буквы русского алфавита.

– Ты не забыла? – удивилась я. – Прошло ведь много лет, тем более без практики.

– Почему же без практики? – хохотнула женщина. – У меня есть травник, который я пишу только на русском языке. Чтобы даже если и своруют, то ничего не поняли.

– А как же конспирация? – нахмурилась я. – Как же тайна?

– А что тайна? – фыркнула мама. – Я всегда могу сказать, что это язык учёного, который учил меня. Собственно, так и есть. Вообще, свои записи учёные стараются шифровать, во избежание кражи. Придумывают письмена, выучивают и тайные знания описывают на нём. Так что, никого этим не удивишь. Готово.

Я чуть подождала, пока чернила засохнут и, взяв листок, пошла в комнату. Буду сразу учить, вместе с Янкой.

Глава 5

Неделя пролетела незаметно. Впрочем, по-другому и быть не могло, слишком загружена оказалась жизнь в деревне. В лес мы всё же выбрались на следующий день. Правда перед этим не забыв накормить кур и козу. Козу, кстати, доить я научилась. Оказалось, что ничего сложного, а вот молоко очень полезное и вкусное. Потом меня познакомили с местными несущками. Травница ещё сетовала, что так и не смогла купить каких-то особенных, на суп.

Я растерянно посмотрела на курочек, гуляющих по загону и пожалала плечами. Курицы как курицы. А вот Яне пришлось объяснять, что да, вкусная жареная курочка при жизни выглядит именно так. Конечно, дочь знала животных. Но не задумывалась, что кусочек мяса в тарелки и вот это квокочущее животное – одно и то же. Мама лишь покачала головой, заметив изумлённый и задумчивый взгляд Янки. А я вздохнула. Лишь бы сделала правильный вывод. Жизнь в деревне и так обещает быть далеко не скучной, а если ещё и дочь решит питаться только овощами и фруктами, отказавшись от мяса...

За неделю к нам так ни разу никто и не пришёл. То ли не было болезней, то ли наше появление сказало на репутации травницы не лучшим образом. Сама мама на мои вопросы лишь отмахивалась. Какая разница, что о ней думают? Если прижмёт, то резко забудут о неприязни и убеждениях. А глупцов разубеждать никто не будет.

Алфавит мы с Яной заучили. Дочь училась читать, а я тренировала письмо. Сегодня день выдался солнечным и, после прополки очередной грядки с мятой, я села на скамейку и принялась в который раз чертить буквы палочкой на земле.

– Арника, идём со мной, – буркнула мама, выйдя из дома.

Сама травница уже была собрана и держала небольшую, холщовую сумку в руках.

– А Яна? – нахмурилась я, вставая со скамьи.

– Дома посидит, не надо ей туда. А вот ты можешь понадобиться.

Пожав плечами, я забежала в дом и предупредила дочь, попросив не баловаться и из дома не выходить.

Пока шли по деревенской дороге, я хотела спросить, куда мы направляемся. Но глянув на травницу, решила не лезть с расспросами. Слишком мрачное выражение лица было у женщины.

Мы подошли к калитке небольшого дома, и я с удивлением обнаружила на крыльце Тихомира. Парень сидел, низко опустив голову.

– А ты почему не позвал? – резко спросила мама у Тихомира, привлекая его внимание.

– Матушка запретила, – глухо обронил тот.

– Матушка запретила, – передразнила мама. – Дура твоя матушка.

А я тихо вздохнула и покачала головой. Видимо, Ратибору стало хуже.

Мы прошли в дом, планировка которого была точь-в-точь как и наш домик. На кухне сидела Авдотья, утирающая слёзы. А рядом Владимир, хмуро уставившись в стол.

Женщина, как только увидела меня, резко выпрямилась.

– Ты! Это из-за неё! – зашипела женщина, поднимаясь со скамьи.

– Сядь, Авдотья, – приказал Владимир. – Не гоже обвинять других в собственной глупости.

– Не пушу её к моему Рати! Не пушу! – шипела женщина. – Пусть убирается!

– Тихомир, уведи мать, – тихо обратилась мама к парню, что зашёл следом за нами. – И не слушай её. Наслушался уже.

Тихомир кивнул и крепко обнял мать, уводя в комнату. Травница же обратилась к Владимиру, кивая на вторую дверь:

– Там лежит?

– Там, – кивнул мужчина. – Но думаю, что поздно уже.

Травница кивнула и потянула меня за собой, открывая дверь в комнату, за которой находился больной.

В нос ударил запах крови, а ещё... сладкий запах. Я кинула взгляд на кровать и судорожно вздохнула. Прав староста, лечить тут уже некого.

– Ай как плохо, – прошептала травница, подходя к кровати и кладя руку на лоб. – Арника, выйди к Владимиру, пусть отправит за лекарем. Я постараюсь помочь, но моих сил вряд ли хватит. Иди давай.

Я быстро передала просьбу травницы, хотя сама слабо верила, что что-о можно сделать. Зато теперь я знаю, как пахнет гной.

Подавив страх усилием воли, я вернулась в комнату. Мама разглядывала ногу, на которой была огромная дыра.

– Вот, что бывает, когда мозгов нет, – грустно усмехнулась женщина. – Ну что Арника, сделаем то, что я делала не один раз в прошлой жизни.

Я непонимающе посмотрела на женщину.

– Ампутацию, – объяснила мама. – Ногу не спасти, но вот за жизнь стоит побороться.

Я судорожно вздохнула и перевела взгляд на красное лицо мужчины. Не знаю, спал ли он, или был без сознания. Но то, что у него сильный жар, сомневаться не стоило.

– Как? – только и смогла вымолвить я, понимая, что нет ни подходящего помещения. ни инструмента. Да даже банального обезболивающего нет.

– Как делала не раз, – глухо ответила мама. – Молясь, что всё пройдёт успешно. Идём, нам надо подготовиться.

Мама распахнула дверь и позвала Тихомира, цыкнув на нерадивую Авдотью.

– Тихомир, нужен самогон, кипячёная вода и тряпки. Я схожу за инструментом, а ты пока подготовь всё, что сказала. Ещё стол освободи и накрой простынью чистой. Отца на него положим. Давай только быстрее.

Не говоря больше ни слова, травница махнула мне рукой, давая понять, чтобы я шла следом, и вышла из дома.

– Я же попала сюда тоже не с пустыми руками, – хмыкнула женщина, как только мы отошли от дома. – Лекарств при мне не было, а вот кое-какой инструмент сохранился. Только помощь нужна будет. Твоя помощь, потому что никто не должен видеть, что происходит.

– Я не уверена, что смогу, – сглотнув, прошептала я.

– А у тебя выбор есть? Ничего, сейчас травку успокаивающую выпьешь. Я одна не справлюсь.

– А почему не дождаться лекаря? – слабо спросила я.

– Не успеет приехать, – качнула головой мама. – Я не уверена, что ампутация поможет остановить заражение, но хоть что-то. А у лекаря есть лекарства и кое-какие артефакты.

– А я не уверена, что такие операции можно проводить вот так, на столе жилого дома и без анестезии.

– Можно, – усмехнулась травница. – Всякое бывало. Да и анестезия будет, хоть и не такая действенная, как в больнице.

– Самогон, – понятиливо кивнула я.

– Верно, – кивнула травница. – Будем надеяться, Ратибор выживет.

– Это из-за меня, – я тяжело вздохнула. – Мне кажется, что Валенсия не думает о последствиях помощи, которую оказывает.

– Не говори ерунды, – фыркнула мама. – Ратибор пострадал из-за своей глупости, что был так не аккуратен. И из-за глупости жены. А Валенсия... Знаешь, мне ведь тоже было нелегко здесь первое время. Мне кажется, Валенсия специально ставит человека в трудные условия, чтобы посмотреть, сможет ли спасённый выгрызть у судьбы кусочек счастья.

– Интересно, какой процент выживших? – усмехнулась я.

– А вот этого мы никогда не узнаем. Да и незачем. Вероятно, в этом есть какая-то высшая цель, понятная лишь богам.

Я не ответила. В одном я с травницей согласна: пытаться понять поступки богини заведомо провальное занятие.

Дома Яна так и сидела с книжкой в руках, с любопытством читая очередную историю. Хотя, скорее, пыталась читать. Пока ещё путалась в буквах, но очень уж хотела научиться.

– Идём, покажу тебе кое-что, – травница поманила меня за собой, в свою комнату.

Там, из-под кровати, женщина достала железный чемоданчик, которого в этом мире быть никак не могло. Распахнув его, травница тяжело вздохнула и отошла чуть в сторону, чтобы я могла полюбоваться содержанием.

– Это и есть те самые инструменты? – тихо спросила я, сглатывая.

– Именно, – кивнула мама. – Конечно, в больницах пользовались уже другими. Но вот в полевых условиях именно такой набор и нужен был.

– Процент выживания, как я понимаю, был мизерный, – горько усмехнулась я, разглядывая инструмент, который меньше всего походил на врачебный.

Острые, заточенные ножи, не то пила, не то маленькая ножёвка, кусачки, пинцет, жгуты.

– Насмотрелась? Поторопимся, – мама закрыла чемоданчик и запихнула его в мешок.

Неожиданно раздался стук в дверь. За ней показалась мордашка Фоньки.

– Бабушка Веся, а...

– Некогда мне сейчас, – рыкнула женщина. – Присмотри за Янкой, пока мы заняты будем.

– Присмотрю, – кивнул мальчишка. – Мамка слышала, что с дядькой Ратибором произошло. Вот, передала.

Фонька протянул пузатый бутыль.

– Спасибо, – поблагодарила мама, забирая бутылку. – Пообедай сам, дак Яну накорми. Нас долго не будет.

– Хорошо, – кивнул Фонька. – А вы дядьку Ратибора лечить? Говорят, умирает. Жалко его, он хороший.

– Тебе все хорошие, кто мамку не обижает и тебе сахарные леденцы даёт, – усмехнулась травница. – Иди уже, Янка в комнате. И смотри мне, не обижай.

– А что это? – я потрясла бутылкой, которую несла в руках.

– Спирт, – коротко ответила женщина. – Не такой чистый, как медицинский, но лучше того варева, что может достать Тихомир.

– Им поить будем? – удивилась я.

– Нет, Ратибора самогоном напоим. Он – мужик непьющий, много не понадобится. А спиртом обрабатываем инструмент.

– Инструмент выглядит как новый. Словно, его только сделали, – покачала я головой. Перед глазами всё ещё была холодная, блестящая сталь.

– Потому что чищу и точу, – усмехнулась женщина. – Нельзя допустить, чтобы заржавел.

– Мама, я боюсь, – тихо призналась я. Отвар, который я выпила ещё дома, подействовал, но не так сильно, как хотелось бы. – Тебе не страшно?

– Я видела смерть множество раз. Не забывай, кем я была раньше. Да и работа травницы не такая уж и спокойная. Вообще, такими операциями занимаются именно лекари, травницы же просто простуду лечат, да боли в спине. Но, когда на всю округу ты единственный человек, который знает, с какой стороны к ране подойти, выбора не остаётся. А страх... Страх уйдёт.

– Я даже уколы никогда не колола, – призналась я. – Страх причинить боль во мне слишком силён.

– Ты в корне неверно мыслишь, – оборвала меня мама. – Ты же понимаешь, что это во благо, а не просто так, захотелось поиздеваться. У нас не концлагерь, опыты не ставим. Лишь

хотим помочь, хотим спасти жизнь хорошему человеку. Фоська прав, Ратибор действительно заслуживает уважения, не говоря уж о жизни. А об Авдотье не думай, к тебе она не подойдёт. Да, будет язык распускать, да, коситься. Но не тронет ни тебя, ни Янку. Это склад характера такой. Болтает, но грань не переходит. А Ратибор, если выживет, быстро язык жёнке пришемит. У него с этим строго.

– Я её и не боюсь, – усмехнулась я. – Мама, ты уверена, что отвар поможет не рухнуть в обморок?

– Не уверена, – вздохнула она. – Но если ты позволишь себе упасть, как благородная леди на балу, то считай, что Ратибор помер. Одна я не справлюсь, а больше никому нельзя показывать инструмент.

– Я постараюсь, правда, – шепнула я, сжимая бутылку леденеющими пальцами.

Только вот чем ближе мы подходили к дома Авдотьи, тем сильнее накатывал страх. А я поняла, что искренне завидую людям, которые в экстренных случаях могут мыслить здраво. Я к таким людям не относилась.

А ещё я поняла одно, если у меня получится выдержать операцию, то я стану травницей. Ещё не знаю, как сложится моя жизнь, но я знаю себя. Если Ратибора получится спасти, я не брошу это дело.

– Я всё принёс, – Тихомир смотрел на нас с надеждой и толикой панике.

– Хорошо, – кивнула травница. – Клади на лавку, а простыни мне дай. Арника, помоги.

Мы застелили стол простыню, предварительно убрав всё с него и протерев тряпкой.

– Тихомир, носи батьку на стол. Положи его.

Когда Тихомир вышел, женщина перелила самогон в пустую банку и поманила меня рукой.

– Знаешь, когда-то этот способ считался едва ли не самым лучшим, чтобы отправить больного в глубокий сон. Со временем научились делать обезболивающее, но именно этот способ быстр и прост, когда вблизи нет обезболивающего.

– Напоить алкоголем? – непонимающе переспросила я. – Неужели можно настолько много выпить?

– Можно, – усмехнулась мама. – Можно и помереть от отравления. Но я сейчас не о чистом алкоголе. Идём со мной, только так, чтобы никто не видел.

Я вышла следом, на улицу. И не поняла сразу, зачем травница срывает цветы.

Пока не увидела, что это за цветы...

– Это обязательно? – прошептала я.

– Иначе, Ратибор умрёт от болевого шока, – объяснила женщина, выдавливая сок в бутылку с алкоголем. – Будем надеяться, что поможет.

– Значит, уверенности нет? – спросила я, внимательно следя за приготовлениями.

– Абсолютно никакой, – вздохнула травница. – Идём, пора приступать.

Я никогда не хотела стать врачом. Эта благородная профессия вызывала во мне ужас. Не само название, естественно. А то, с чем приходится сталкиваться. Сейчас же мне приходилось внимательно наблюдать за операцией, подавляя тошноту и головокружение. Хлопнуться в обморок, оставив травницу разбираться самостоятельно, значит собственноручно убить пациента.

Напоив Ратибора алкоголем, мы дождались, пока он уснёт. Не знала, что без специальных лекарств сон может быть настолько крепок. Я даже усомнилась, а сможет ли он проснуться.

– Не отвлекайся, – рыкнула мама, внимательно разглядывая рану.

– Может дождётся лекаря? – тихо спросила я, лелея надежду.

– Мы дождёмся, а вот он, – травница ткнула пальцем в Ратибора, – сомневаюсь. Погоди, я думаю.

Травница внимательно разглядывала рану, которую только что очистила от белёсых сгустков и крови.

– Знаешь, возможно ты и права, – пробормотала мама, выпрямляясь. – Кость не задета, пока пострадали только мягкие ткани.

– Значит, если засыпать всё это обеззараживающим средством, то он может не лишиться ноги? – с надеждой спросила я.

– Просто засыпать, дорогая моя, не получится. И замазать тоже. А вот если удалить повреждённые ткани, то есть вероятность спасти ногу.

Я сглотнула комок, вставший в горле. Мамина травка немного успокаивала, но от запаха тошнило невероятно.

– Подай скальпель, – донёсся до меня глухой голос травницы.

Вытащив инструмент из тарелочки со спиртом, я протянула его маме, а сама позорно отвернулась, не выдержав.

– Зря, – усмехнулась женщина. – Научить чему-то другому я тебя вряд ли смогу. А травница себе на жизнь заработает всегда.

– Я буду собирать травы и продавать их, – тихо пробормотала я.

– Тоже можно, – согласилась мама. – Только это не очень-то и доходно. В больших городах таких ушлых немало. А в деревне просто продавать травы не имеет смысла.

Я тяжело вздохнула и повернула голову, понимая – травница права, на травках далеко не уедешь. И будь я одна, то легко бы выжила. Но у меня есть Янка, которой нужна если не богатая жизнь, то хотя бы хорошее образование и нормальная пища.

От вида красной плоти замутило сильнее. Абстрагироваться не получалось, поэтому сцепив зубы, я внимательно наблюдала за процессом удаления повреждённых тканей.

По тяжелому дыханию травницы было понятно, что женщина устала. И от неудобной позы, потому как зрение её уже было не идеально и приходилось работать согнувшись. И от ювелирной работы, чтобы не повредить ненароком артерию.

Как только рана была очищена, травница устало села на лавку, отложив скальпель.

– Разведи спирт тёплой водой, – попросила женщина. – Надо обеззаразить рану.

Я кивнула и плеснула воды в наполовину опустевший бутыль. И только тогда поняла, что мама слишком устала, а значит...

– Теперь полей рану. Только хорошо, не упуская участков. Затем возьми в сумке банку с зелёной мазью и наложи на рану.

– Я же не умею, – пискнула я, но травница лишь глянула, отбивая всякое желание спорить. – Хорошо.

Открыв банку, я неуверенно посмотрела на рану.

– Представь, что это просто говядина, – пробормотала я еле слышно.

Но мантра не помогала. Ничего не помогало. Я чувствовала, что ещё немного и я скачусь в истерику. Позорно разревусь или завизжу, что есть силы.

– Если совсем сложно, возьми тряпочку, – вздохнув, предложила травница. – Только смочи её в спирте сначала. А потом хорошенько выжми.

Это уже было проще. Голыми руками притрагиваться к ране не хотелось.

Смочив тряпочку, я с силой выжала и обмакнула в мазь. Она оказалась густой и жутко вонючей. Стараясь дышать ртом, я начала быстро наносить мазь. С каждым движением, рана покрывалась лекарством и становилась болотно-зелёного цвета. Если постараться, то можно представить, что там, под слоем мази, не рана, а всего лишь царапина.

– Хватит, разошлась, – усмехнулась мама. – Теперь нужно замотать рану, только плотно.

– А шить не надо? – удивилась я.

– А там есть что шить? – вопросом на вопрос ответила травница. – Бери тряпку и сложи в несколько слоёв. А простыню замотаем ногу.

– А как сбить жар? – спросила я, пока накладывала повязку. – Он весь горит.

– Пока не надо, – мотнула головой травница. – Ратибор проснётся ещё не скоро, а поить, пока он без сознания, бесполезно.

Как только я закончила, то принялась убирать инструменты и баночки. Стараясь не смотреть, закинула отходы в мешок и затянула шнурок.

– Тихомир, – позвала мама громко. – Забирай отца, положи на кровать.

Дверь тут же распахнулась, являя нам угрюмого парня, который со смесью страха и надежды посмотрел на мужчину.

– Не бойся, жив он. Просто спит, – отмахнулась женщина. – Надеюсь, лечение поможет. И ради всего святого, не подпускай ты полоумную мамашу к нему! Иначе загубит всё лечение. Как проснётся, сразу беги за мной. А лучше, отправь кого-нибудь, а сам не отходи от батьки.

– Хорошо, баба Веся, – кивнул Тихомир, поднимая отца на руки.

Я в который раз подивилась силе парня. Ратибор не маленький, да ещё и без сознания. А Тихомир таскает его, словно вязанку дров.

Путь домой мы преодолели в полном молчании. Зайдя домой, я в первую очередь проверила, как там Янка. Но она спокойно играла с Фонькой и лишь мельком глянула на меня.

Чувствуя, что меня пошатывает, я вышла на улицу и отошла в конец двора, глубоко и часто дыша. Меня всюду преследовал сладковатый запах гноя и крови. Стоило мне прикрыть глаза, как картинка с огромной раной вмиг предстала перед глазами. Упав на колени, я упёрлась ладонями в сырую землю. Глубокое дыхание не помогало, а желудок начало скручивать спазмами.

Избавившись от нехитрого завтрака, я вытерла рот и разрыдалась. Страх, шок и желание сбежать на край света горели в груди, душили, заставляя подвывать. Невозможность что либо изменить давила бетонной плитой.

– Ну тише-тише, – раздался голос травницы за спиной, а на голову легла тёплая рука. – Ты справилась, ты молодец. Ничего, привыкнешь. И я плакала, и та, к кому я попала, тоже. Не всегда получается быть сильной. Но выбор не большой, ты либо выдержишь, справишься, либо погибнешь. А ещё, у нас проблема. Крупная проблема, Аринка. И я не знаю, как её решить.

– Какая? – убрав руки, я посмотрела на женщину и охнула, увидев в её руках свои кроссовки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.